

Девушка
~ без ~
недостатков

Наталия **ЛЕВИТИНА** **Экстремальная** **Маргарита**

Весёлое семейство майора Здоровякина

Наталия Левитина

Экстремальная Маргарита

«Автор»

Левитина Н.

Экстремальная Маргарита / Н. Левитина — «Автор»,
— (Весёлое семейство майора Здоровякина)

Маргарита не представляет себе жизни без резких скачков адреналина в крови: она гоняет на мотоцикле, выполняет умопомрачительные трюки в фильмах. Ее мечты – отправиться с экспедицией в Сахару и поохотиться на крокодилов в Амазонке. И это не мешает ей быть осторожным и предусмотрительным телохранителем. Но последний клиент совершил большую ошибку: он решил, что защита требуется его жене, а не ему. В итоге Маргарита осталась без работы и с пятьюдесятью тысячами долларов, полученными по завещанию клиента. Казалось бы – все мечты готовы сбыться, если бы Маргарита не проходила главным подозреваемым. Даже возлюбленный – сыщик Валдаев – не верит девушке. И тогда Маргарита решает разобраться во всем сама. Но такого поворота событий Марго даже не ожидала!

© Левитина Н.

© Автор

Содержание

Октябрь 1998 года	5
1	9
2	12
3	17
4	23
5	25
6	28
7	30
8	36
9	39
10	45
11	51
12	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Наталия Левитина

Экстремальная Маргарита

Октябрь 1998 года

По вечерам в «Колизее» собирались уцелевшие остатки городского бомонда. В фешенебельном ресторане, как и прежде, подавали разнообразные блюда с диковинными названиями и фирменный коктейль «Страстная итальянка», в казино, как и прежде, делались ставки, но в атмосфере витали флюиды ностальгической грусти. Беззаботность, с которой здесь раньше пускались на ветер крупные суммы денег, стала доступна не всем. По многим августовский кризис проехал гусеничным трактором, и они приходили в «Колизей» уже по инерции, не имея теперь возможности бросить полную горсть разноцветных фишек на изумрудно-зеленое сукно рулеточного стола.

Интерьеры буржуйского развлекательного центра были украшены нагромождением картин. В залах казино тематика оригинальных творений имела прямое отношение к действию, совершаемому здесь. С одного из полотен смотрели на публику беспокойные, воспаленные глаза, жадным и ищущим взглядом зрителя, на другом была изображена рука, конвульсивно сжимавшая пригоршню золотых монет, – ну и так далее.

Кроме роскошного ресторана, оставшиеся после игры деньги можно было истратить также и в ночном баре, где клиентов обслуживали прелестные гологрудые нимфы. В когорту высокооплачиваемых и скрупулезно отбираемых официанток попадали в основном девушки, побывавшие в заботливых руках пластического хирурга. Поэтому распивочная пользовалась потрясающим успехом, особенно среди мужчин. Отменные коктейли в сочетании с разглядыванием великолепных имплантатов (отдельные экземпляры достигали немалых размеров) имели убойную силу...

...Очередные визитеры, мужчина и молодая женщина, появились в холле, неся с собой холодный воздух осени, ворвавшийся сквозь открытые двери. За окнами падали на холодный и мокрый асфальт увядшие листья клена, а внутри здания царило праздничное, искристое настроение. Сквозь арку из холла были видны несколько столиков ресторана; салфетки, свернутые корабликами, сияли белизной, сверкал хрусталь. Доносились всхлипы саксофона.

Мужчина, большой, шумный, вальяжный, небрежно сбросил на руки любезного швейцара кожаное пальто. Он, несомненно, относился к касте завсегдатаев подобных мест. Его спутница тоже держалась уверенно и свободно, хотя ее скромный плащ вызвал равнодушное недоумение у портье, пристроившего неприятный наряд девушки между шикарнейшей до безобразия соболиной шубой и норковым свингером.

– Сначала куда, – в нерешительности остановился мужчина, – поесть или поиграть? Маргарита?

– В принципе, нам здесь вообще нечего делать, Артем Николаевич, – со сдержанным недовольством отозвалась Маргарита. Она разглядывала других посетителей, внимательно осматривала холл и – одновременно – себя в зеркале. В большом тонированном зеркале отражалась красивая стройная женщина в длинном золотистом платье с безжалостным разрезом на бедре. – Вы постоянно забываете о необходимости конспирации.

– Ах, Маргарита! – махнул рукой Артем Николаевич, тоже заглядывая в зеркало и поправляя галстук. Живописный попугай на тысячедолларовом галстуке кричал о том, что его хозяину так же отвратительна мысль о конспирации, как тигру идея вегетарианства. Нет, он совершенно был не создан для жизни в подполье – высокий, статный, заметный. – Дай тебе

волю, ты бы посадила меня в камеру в десяти метрах от поверхности земли, навесила на дверь три пудовых замка, а сама караулила бы рядом, вооруженная гранатометом.

– Идеальный вариант, – улыбнулась Маргарита. У нее были чудесные зеленые глаза, и Артем Николаевич часто пытался найти в них отражение каких-либо иных чувств, кроме желания добросовестно исполнить служебный долг. Пока ему это не удавалось.

– Пойдем сначала поиграем, – решил он наконец.

В зале казино оказалось несколько знакомых, которые приветствовали нового игрока легким кивком. Воздух здесь был плотный и наэлектризованный, словно пропитанный страстью. Тяжелые двери не пускали сюда музыку, звучавшую в ресторане, голоса и смех.

Артем Николаевич был озабочен лишь выбором удобного места для игры, но его спутница определенно находилась в состоянии легкой тревоги. Она пристально всматривалась в окружающих зеленым кошачьим взглядом, и если бы у нее на голове была расположена красная лампочка, то она бы начинала обеспокоенно мигать каждый раз, когда кто-то приближался к Артему Николаевичу ближе чем на два метра. Нет, красавица в золотистом платье явно предпочла бы более спокойное место для истребления вечера и ночи.

И не зря. Едва Артем Николаевич пристроился возле рулеточного стола рядом с грузным, одутловатым мужчиной в смокинге (объемный толстяк пожал ему руку со словами: «Ну что, Артем, бросил столицу, вернулся в родную провинцию?») и едва Артем Николаевич просадил первые три сотни, как вечер в «Колизее» стал разворачиваться по незапланированному сценарию.

Сначала с грохотом, но словно нехотя раскрылись массивные дубовые двери, отделявшие царство азарта от внешнего мира. Онемевшие игроки увидели перед собой нескольких бритоголовых Рембо с автоматами. Маргариту, стоявшую за спиной Артема Николаевича, едва не смыло волной страха и ужаса, источником которой являлись ее спутник совместно с одутловатым толстяком. За секунду до того, как раздались короткие автоматные очереди и публика в зале дружно повалилась на пушистое ковровое покрытие, Маргарита перестала думать, рассуждать, анализировать. Она превратилась в универсального робота, запрограммированного на спасение клиента, и действовала молниеносно, автоматически.

Как оказалось, пули вооруженных бандитов предназначались упитанному соседу Артема Николаевича. И хотя смокинг была мишень по причине своих значительных размеров была легкодоступна, веер пуль, словно небрежный росчерк пера, мазнул и по месту, где за сотую долю секунды до этого находился Артем Николаевич. А теперь он комфортно лежал под рулеточным столом, весь покрытый липким потом, но абсолютно невредимый. На нем лежала Маргарита, прикусив покрашенную губку и сжимая в руке неведомо откуда извлеченный ею, скорее всего из чулка, «Макаров».

Замерев и не дыша, Артем Николаевич с ужасом смотрел влево, на мамонтоподобный окровавленный холм, который возвышался рядом, около стола, и минуту назад был его знакомым, директором одного из городских банков. Маргарита смотрела вправо, где двигались ноги убийц.

Судя по тому, как выглядели останки несчастного банкира, контрольный выстрел вряд ли был необходим. Но подошедший бритоголовый парень, видимо, не смог отказать себе в удовольствии. К счастью окружающих, он додумался сменить автомат на пистолет, иначе опять усеял бы смертоносным свинцом два метра в радиусе от жертвы.

Киллеры скрылись, вновь с грохотом захлопнув двери, и в зале началось легкое шевеление, плавно переходящее в паническую беготню с криками и повизгиванием.

«Где он учился стрелять?» – зло подумала Маргарита. Она вылезла из-под стола и протянула руку полуживому Артему Николаевичу. Тот сипел, хрипел, едва не плакал и не сводил глаз с трупа бедного толстяка. Судьба на этот раз пронесла чашу с отравленным напит-

ком мимо, но мрачная картина в казино была словно предсказанием собственного будущего Артема Николаевича. Каждый день он ждал подобного.

– Маргарита! – набросился, очнувшись, Артем Николаевич на свою хрупкую, но надежную телохранительницу и попытался благодарно задушить девушку. – Ты спасла мне жизнь!

– Вы мне за это платите деньги, – трезво заметила Маргарита. – Сейчас не время обниматься! Мы с вами должны быстро исчезнуть отсюда.

Желание немедленно покинуть «Колизей» овладело не только Маргаритой и ее клиентом. В дверях возникла давка, а в гардеробе и подавно творилось что-то невообразимое. Швейцара затоптали, он валялся у стены, как ненужная вещь, как фантик от шоколадки, и меланхолически думал о том, что, если в суматохе бесследно исчезнет хоть одно меховое пальто, ему вовек не расплатиться.

Постфактум прибыл ОМОН, но Маргарита и Артем Николаевич уже пришпорили скромный темно-серый «мерс» и ринулись прочь от места катастрофы.

На девушке испытанное волнение никак не отразилось, напротив, она словно расцвела и похорошела под влиянием адреналинового стресса. А вот Артем Николаевич так и не оправился от шока.

– Я так тебе благодарен, благодарен... – твердил он всю дорогу побелевшими губами.

– С удовольствием обменяю вашу благодарность на обещание, что впредь вы хоть немного будете прислушиваться к моим советам, – сказала Маргарита. За рулем сидела она.

Учитывая возложенные на нее обязанности по охране тела Артема Николаевича – тела здорового, увесистого, – Маргарита должна была изображать из себя добропорядочного водителя и ползти по автострате беременной черепахой. Но свободные ночные улицы, мигающие желтыми огнями светофоры плюс оправданное желание побыстрее удалиться от «Колизея» на десяток-другой километров давали ей право вести автомобиль так, как она любила – скрипя тормозами на поворотах и лихо обгоняя редкие машины.

– Я буду, буду прислушиваться к твоим советам! – горячо отозвался Артем Николаевич. – Мы больше нигде не будем ходить, ни с кем не будем встречаться, никого не будем звать. О боже! Осторожнее, Маргарита! Никого не будем звать в гости... Никаких друзей, знакомых, никаких женщин...

Маргарита удовлетворенным кивком сопровождала каждый пункт клятвенных обещаний.

– Завтра же уезжаем в Прохоровку, у меня там двоюродная бабка, машину оставим дома, доберемся на попутке, будем жить в глуши, там и канализации нет, никто не найдет...

– Наконец-то вы взялись за ум, – одобрительно посмотрела на клиента Маргарита. – Вам, значит, была необходима основательная встряска.

– Останови-ка здесь, я сигарет возьму, – изменив тон, попросил Артем Николаевич. Он расстался с мертвенной бледностью и вновь засиял здоровым румянцем.

– Сидите, я сама, – вздохнула Маргарита. Через минуту она вернулась с глянцевой пачкой.

– А что это за кабачок слева по курсу? – Артем Николаевич изучал через стекло неоновую вывеску ресторана с нейтральным, ничего не обещающим названием «Юпитер». – Что здесь подают? Мы ведь так и не поужинали. После испытанного потрясения у меня зверский аппетит.

– А я уж вам поверила! Думала, теперь лет восемь просидите взаперти, питаюсь готовой пищей и бутербродами. Наивная. Вы не боитесь, что и сюда нагрянет кто-то с разборками?

– Попасть в две разборки за один вечер! Так не бывает! – воскликнул Артем Николаевич, выбираясь из «мерседеса». – Пойдем, Маргарита, не бойся, ты за мной как за каменной стеной, – весело гоготнул он.

При всей своей безответственности и легкомыслии, раздражавших Маргариту, Артем Николаевич отличался ярким и незаурядным обаянием. Большой, рокошущий, жизнелюбивый – с ним приятно было находиться рядом. Но работать – исключительно трудно!

– А в Книге рекордов Гиннеса, – заметила Маргарита, – упоминается о егере Американского национального парка. В него пять раз попадала молния.

– И что, выжил?

– Да.

– Ну, вот видишь!

Телохранительница вздохнула и покорно отправилась вслед за неугомонным клиентом...

1

Двухэтажный коттедж бизнесмена Никиты Кармелина находился в элитном районе города. Сейчас дом утопал в летней зелени. На искусно подстриженной лужайке цвели розы, продуманное расположение елок, берез, черемухи и прочего пиломатериала указывало на то, что здесь усердно поработал ландшафтный дизайнер. Но бассейна, фонтана и парашютной вышки, как в других владениях по соседству, не было, хотя это говорило скорее о врожденной скромности хозяина коттеджа, чем о плохой наполненности его банковских счетов.

Справа и слева от входной двери громоздились пузатые металлические вазы-бочки, в них цвело нечто вовсе экзотичное, лохматое и фиолетово-малиновое, привезенное из Африки и с трудом преодолевающее неприятности российского климата. Стена дома в половину первого этажа была стеклянной, за тонкими струящимися шторами виднелась внутренняя обстановка гигантской гостиной.

По дорожке от дома к воротам двигались сам владелец особняка Никита Кармелин и две молодые женщины. Принимая во внимание температуру воздуха, комплектацию дам и их прекрасный возраст, они могли бы одеться и пораскованнее, например нацепить безумные мини-шорты, которыми травмировали этим летом мужчин городские девчонки, однако обе девушки были одеты в довольно сдержанные летние костюмы.

Никита Андреевич обнимал за талию красивую блондинку, называл ее Настасьей и время от времени целовал девушку в гладкую щечку, не смея отказать себе в удовольствии. Другая крошка, с кошачьими зелеными глазами, не лезла под поцелуи, а терпеливо ждала, когда блондинка будет освобождена.

– Я думаю, мы вернемся довольно скоро. Но ты успеешь прекрасно от нас отдохнуть, – сказала Настасья, загадочно улыбаясь.

– Буду ждать с нетерпением.

– Отдыхай, отключи телефоны, устрой своей нервной системе разгрузочный день.

– Хорошо.

– Поболтайся в гамачке между яблонями.

– Ладно.

– И не вздумай смотреть телевизор. Особенно программы новостей. Побереги здоровье.

– Не буду.

– Никаких переговоров, обсуждения дел, звонков бухгалтеру, ковыряний в компьютере и прочей деловой суеты, – продолжала давать наставления мужу Настасья. – Сегодня ты отдыхаешь, договорились? Да?

– Согласен.

– Ты заслужил.

– Заслужил.

– Сколько можно работать... – Настасья собиралась сказать что-то еще и уже слепила из вишневых губок очаровательное сердечко, но Кармелин ее перебил:

– Так, Маргарита, забирай мою жену и топайте, куда собирались. Клянусь, девочки, сейчас я свалюсь на диван подрубленной березкой и пролежу неподвижно до вашего прихода, изучая потолок остановившимся взглядом законченного идиота.

Девушки собирались сегодня отнюдь не по магазинам или в тренажерный зал, а – трудно себе представить! – в областную администрацию на семинар для представителей малого бизнеса. Прямое отношение к малому бизнесу имела Настасья, которая содержала парфюмерный бутик в центре города.

Маргарита с готовностью подхватила под локоть упирающуюся Настасью и поволокла ее в сторону калитки из кружевного чугуна.

- Нет, ну мы же толком не попрощались... До свидания, милый!
- Чао, любимая!
- До свидания, Никита Андреич!
- Пока, Маргарита! Присматривай там за моей женой. Чтоб никто не посягал. Хорошо?
- Разумеется.

Дамы наконец-то удалились, Кармелин закрыл за ними дверь и направился к дому.

Маргарита села за руль синего «рено», принадлежащего Настасье Кармелиной, который уже был выгнан из гаража за ворота дома.

– Отпустишь меня в половине четвертого? – нерешительно попросила она свою молодую светловолосую начальницу.

– Ну конечно! – улыбнулась Настасья. – Ты так смиренно спрашиваешь, словно я гримза, тиран или деспот, а ты несчастная рабыня. Да, как твой босс, я могу выразить недоумение, почему ты не решила все личные дела в только что предоставленные три дня отпуска. Но, как милая и безвредная дева Настасья, я все понимаю, и более того, я да же заинтересована в твоей сегодняшней встрече, потому что не хочу, чтобы ты оказалась на улице без куска хлеба, и надеюсь, новая работодательница сумеет предложить тебе интересные условия работы и ты... Маргарита!!!

Синий «рено» ловко протиснулся между маршрутным автобусом и бензовозом.

– Маргарита! Ты должна беречь меня, а ты, напротив, подвергаешь мою жизнь неоправданному риску! – возмутилась Настасья.

– Прости, не удержалась, – извинилась Маргарита. Ее всегда удивляло, какое невероятное количество слов удается Настасье произнести за три секунды.

В субботний день улицы не были переполнены автотранспортом, на дорогу и парковку ушло около получаса.

Встречу с городскими предпринимателями в здании областной администрации организовал антимонопольный комитет специально для прибывшей в город большой группы немецких бизнесменов. Немцы, почему-то озабоченные развитием частного бизнеса в России, обязательно хотели поделиться своей мудростью, обогатить дремучих россиян опытом цивилизованного предпринимательства. Настасья получила именное приглашение. Ее муж Никита Кармелин такого приглашения не получил. Являясь генеральным директором крупной преуспевающей компании, он мог сам прочесть лекцию немцам.

На подступах к зданию администрации собрались кучки частных предпринимателей. Они беседовали, смеялись, обменивались репликами. Кто-то наслаждался запахом внушительной клумбы, кто-то, наоборот, кайфовал в сторонке от сигаретного дыма.

– Маргарита, ты взяла блокноты?

– Взяла, – со вздохом ответила Маргарита. В марте ее наняли через охранное агентство «Бастион» для защиты Настасьи, которой по телефону и письменно угрожала расправой некая нервная мадам. Незаметно пролетели весна и почти все лето, угрозы, к счастью, так и не преодолели вербальный уровень, а лицензированная охранница Маргарита постепенно превратилась в банальную секретаршу. Она носила бумаги и работала на компьютере, и подобное положение вещей все меньше ее устраивало.

Чуткая Настасья, тоже понимая, как невыносима роль делопроизводителя (пусть и высокооплачиваемого) для отважной охранницы, сама предложила Маргарите поискать другое место. И несколько дней назад в рекламной газете Маргарита обнаружила объявление, напечатанное словно специально для нее: «Бизнес-леди примет на работу профессионального телохранителя (предпочтительно женщину). Оплата достойная». Она позвонила, и вскоре ей назначили встречу. По закону подлости, как раз именно на то время, когда Настасья собралась

предаться дружескому общению с немецкими бизнесменами на семинаре в областной администрации.

Настасья, улыбаясь направо и налево знакомым мужчинам, вошла в прохладный холл здания.

– Маргарита, не волнуйся, в половине четвертого я тебя отпущу. Понимаю, что вопрос немного не корректен, но сколько тебе пообещала таинственная бизнес-леди? Если не секрет?

– Не секрет. В два раза больше, чем мне платит Никита Андреевич.

– Ого! Наверное, крутая дамочка.

– Я пыталась до нее дозвониться, чтобы попросить перенести встречу, но безрезультатно.

– Ладно, ничего страшного. Но ты успеешь? Где вы договорились встретиться?

– В фирме «Ариадна». В десяти минутах ходьбы отсюда.

– Отличное название для фирмы.

– Ее так и зовут, эту бизнес-леди. Ариадна Михайловна.

– Да ты что! – изумилась Настасья. – Прелестное имечко! Ах, Тарас Семенович, здравствуйте, удачно, что мы с вами здесь встретились...

Настасья уцепилась за рукав мужчины и начала увлеченно с ним беседовать, бросив Маргариту. Маргарита посмотрела на часы – было около трех.

2

Последний год стал фантастически удачным для производственной компании «Пластэк», возглавляемой Никитой Кармелиным. Волны коммерческого успеха накатывали одна за другой, пластмассовая продукция фирмы уходила нарасхват, качество изделий повергало в трепет конкурентов, рентабельность почти шокировала. За весь этот праздник надо было благодарить прошлогодний экономический кризис – он помог компании выйти на международный рынок, валюта потекла рекой, в два раза увеличились объемы производства. Рабочие и служащие «Пластэка» считались в городе привилегированным классом. Их зарплата, всегда своевременная, вызывала зависть, а целый букет дополнительных благ и льгот, которыми компания одаривала своих тружеников, и вовсе нагонял тихое уныние на публику других предприятий – убыточных, остановившихся, бесперспективных.

Разинув голодные акульи пасти, подросли алчные иностранцы. Сначала турецкая компания «Куркей», потом итальянская «Лукас Милан» осаждали господина Кармелина с предложениями щедрых инвестиций. Российский пластмассовый рынок ускользал от них, они в отчаянии пытались уцепиться за прибыльный «Пластэк»...

...Проводив женщин, Никита Андреевич вернулся в дом. У него было отличное настроение. Тридцать восемь лет, здоровье, которое пока ни разу не подводило, надежный бизнес, красавица жена – а кроме того, чудесный летний день, солнечный и не жаркий, и еще... Еще возможность провести свободное время совсем не так, как он обещал Настасье и Маргарите.

Если над садом поработал ландшафтный дизайнер, то в самом доме порезвился модный в городе дизайнер по интерьеру. К плодам его бредовой дорогостоящей фантазии Никита Андреевич привык не сразу и с трудом. Чего стоила одна стеклянная стена на первом этаже, которая вызывала отвратительное чувство незащищенности. А обои в столовой, навевавшие мысль о сыром подzemелье... Зато Настасья и ее подруги бы ли в полном восторге от подобных оригинальных штучек.

Никита Андреевич прошел к письменному столу, пристроился на полчаса к компьютеру и пошнырял по Интернету. Но конечно, не мысли о компьютерном развлечении заставляли его таинственно улыбаться. Он ждал гостя.

Именно для нее в спальне на втором этаже, задрапированной провокационно-пурпурными шторами, охлаждалось во льду шампанское и стояли хрустальные фужеры-конусы.

Долгожданная незнакомка появилась где-то в районе четырех часов дня. Она заслуживала того, чтобы ее ждали. Изумительная длинноногая блондинка в крошечной юбочке и тонкой обтягивающей кофте прильнула к Никите Андреевичу на крыльце дома, где он совсем недавно точно так же обнимал законную супругу.

– Шикарный паричок, – улыбнулся Кармелин, накручивая на палец пепельно-белую прядь, сиявшую на солнце искусственным блеском. – Не жарко? – Он видел свое отражение в черных полароидных стеклах ее солнцезащитных очков.

– Я ведь знаю, ты предпочитаешь блондинок, – улыбнулась в ответ фантастическая девушка и уперлась крепкой грудью в торс Никиты Андреевича. – Шампанское уже ждет? Сначала шампанское, а потом сюрпризы, – со знойным придыханием, изображая роковую страсть, прошептала она. – Сегодня я тебя снова удивлю, мой бесподобный мустанг...

«Мустанга» пронзило до самых пяток электричеством желания. Не разъединяя объятий, наступая друг на друга, спотыкаясь на ступеньках, Кармелин и поддельная блондинка помчались наверх.

По мнению Маргариты, даже объединенный опыт всех бизнесменов Германии не мог помочь умирающему предприятию Настасьи. Иначе говоря, Настасьино присутствие на семинаре не имело смысла. Цены в ее парфюмерном бутике кусались, как взбесившиеся ротвейлеры. А яростно-доброжелательные продавщицы отпугивали редких потенциальных покупателей отчаянным и неприкрытым желанием продать хоть что-то.

Так думала Маргарита, оставив Настасью в обладминистрации внимать речам немецких дельцов и быстрым шагом направляясь в сторону улицы Карла Маркса, где, как ей объяснила по телефону Ариадна Михайловна, располагался офис.

Фасад здания выглядел празднично благодаря белому пластику, украшавшему его. Крупные красные буквы «Ариадна» свидетельствовали о том, что Маргарита добралась до места. Навстречу будущей телохранительнице вышла сама Ариадна Михайловна – приятная дама лет тридцати пяти и килограммов восьмидесяти, рыжеволосая, с гладким румяным лицом, роскошно одетая. Два бриллиантовых кольца и несколько крупных перстней на пухлых пальцах намекали на то, что проблемы философии и мучительные вопросы осознания смысла бытия вряд ли засоряли голову милой женщине. Да и она сама сразу заявила о простоте своей натуры:

– Я вот, Маргарита, тебе честно скажу. Я женщина простая, в бизнесе наглая, по жизни удачливая. А начинала челноком, да... Моталась в Китай, Турцию, Эмираты с пудовыми баулами. И выбилась в люди. Теперь у меня фирма. Оптово-закупочная. Интерьер, сама видишь, и так далее. Присаживайся. Сегодня у нас тут никого нет, суббота.

Интерьер офиса, конечно, терзал глаз богатством. Но Маргарита за пять месяцев общения с Кармелиными видала и не такое. Ариадна Михайловна почему-то сразу понравилась Маргарите. Не потому, что пообещала солидную зарплату в предварительной беседе по телефону, а тем, что в ней совсем не чувствовалось торгашеского хамства. От дамы, которая повесила на шею килограмм безвкусного золота и справедливо ощущала себя человеком, собственноручно выковавшим свое незамысловатое многодолларовое счастье, можно было ожидать пренебрежительного менторского тона, барских замашек, грубых манер. Но ничего этого не наблюдалось. Беседа протекала легко и приятно, и за первые полчаса встречи Маргарита, с ее профессиональной обостренной реакцией на любое движение – тела или мысли, пока ни разу не была шокирована словом, или позой, или жестом бизнес-вумен. Хотя Ариадна Михайловна и не подумала обратиться к Маргарите на «вы», однако в ее устах это не звучало хозяйским «тыканьем», а скорее было приятной констатацией более юного возраста собеседницы. Короче говоря, простоватая Ариадна Михайловна обладала врожденным обаянием, даруемым природой, которому невозможно научиться.

– Но я вижу, ты совсем хрупкая девочка. Выдержишь перегрузки-то?

Конечно, бросив взгляд на изящную Маргариту, трудно было заподозрить, что девушка сделана из металла и единственная эффективная подпитка для нее – адреналин.

– Ведь со мной работать тяжело! Тружусь, как лохматый суслик, и днем, и ночью, и в снег, и в мороз, и в сорокаградусную жару. Если, к примеру, сломается машина – по грязи дотопаю куда мне надо. А с какими сволочами приходится общаться! О, ты не представляешь! Но дело делаю. Так, давай-ка выпьем холодненького. – Ариадна нырнула в холодильник-бар и достала пачку персикового сока. – Я сейчас вообще процветаю. Буйно. Без ложной скромности скажу. Деток пристроила учиться в Лондоне. Грызут этот... как его... мрамор наук.

– Гранит.

– Один черт. Ой, Рита, там такая шикарная школа! Через одного – дети наших российских знаменитостей. То музыканта какого-нибудь сынок, то нефтяного магната дочка. А мужа в Америку отправила, да. Мотор подлечить. Теперь вот думаю, как бы он с отрегулированным мотором по американским бабам не пошел. В смысле, по медсестрам, которые в госпитале. Хотя... Там такие морды, Ритуня, я тебе скажу. Закачаешься!.. М-да... Вот, а сама кручусь. Зарабатываю. И мне очень нужна охрана. Вооруженная.

– Почему?

– Не то чтобы угрожает кто... Но я достигла того уровня – в смысле по доходам, – где, шкуркой чувствую, нельзя без охраны. И не хочется, чтобы постоянно над плечом торчала тупая морда двухметрового шкафчика в камуфляже, чтоб партнеров пугал. Да и вообще, Рит, от мужчин меня воротит. Нет, нет, не пугайся! На женщин тоже не тянет! Я вполне это самое...

– Гетеросексуальны?

– Чего? Нормальная баба, я хотела сказать. Просто натерпелась от мужчин. В самом начале, когда бизнес затевала. Чего только не было в биографии! Честно, дорогу таранила всем, что имею. Пришлось попотеть. Ты с лицензией?

– Конечно, – кивнула Маргарита и достала из сумки лицензионную карточку.

– Отлично. Оружие?

– Да.

– И за каждый использованный патрон должна отчитываться в агентстве?

– Естественно.

– Стреляешь метко?

– Надеюсь, Ариадна Михайловна, вы спрашиваете об этом просто из интереса? Или угроза военных действий настолько реальна?

– Из чистого любопытства, Маргарита, интересуюсь. Я ведь первый раз пытаюсь нанять лицензированную охрану. Была у меня в прошлом парочка жлобов. Уволила, достали. Они, значит, втянулись, балбесы, в роль вошли, закупили на рынке целый арсенал... И не то что за патроны, за обоймы и магазины ни перед кем не отчитывались. Распугали у меня на загородной вилле все пернатое поголовье, охламоны. Конечно, Ритуль, я тебя не в киллеры ведь нанимаю. Об оружии спросила просто так, для осведомленности. А боевыми искусствами владеешь? Каратэ-до, каратэ-после, как говорит Задорнов. Если придется по морде кому врезать?

– У меня разряд по дзюдо. Могу и врезать. Но вы ведь понимаете, против двухметрового громилы с «Калашниковым» это малоэффективно. А так... Пристрелить парочку-тройку невооруженных типов среднего размера...

– О, как бы я хотела быть такой спортивной, стройной, быстрой! Спишь на велотренажере, да? А мне, конечно, не до спорта. Еще почему я не хочу брать парня охранника? У женщин лучше развита интуиция, правда? Я, например, веду переговоры с партнером, а ты элегантно отсвечиваешь рядом и прислушиваешься к своим ощущениям. Чик-чик, заподозрила неладное, и мы быстренько смылись. И гуд-бай, мой мальчик, гуд-бай, мой миленький! Ох, сколько раз бывало раньше... Я, как восторженная дура, где-нибудь на глухом складе распинаясь перед выгодным клиентом – поставка, отгрузка, сроки, платежи... И тут подваливают еще двое очень выгодных клиентов, и втроем меня... И весь едреный бизнес. И все поставки! Страшно вспоминать! Какая же я была доверчивая и неопытная, елки-моталки! Сейчас-то бизнес стал менее дремучим. Почти цивилизованным!

«Настасья как раз про такой бизнес и слушает лекцию!» – вспомнила Маргарита. Она успела подумать, что, в отличие от Ариадны, Настасья с самого начала занималась исключительно цивилизованной, даже рафинированной коммерцией. Да и не бизнес это был вовсе, а современное развлечение для жены богатого предпринимателя. Если по результатам месяца Настасьин магазин выходил в минус, заботливый муж закачивал на банковский счет парфюмерной фирмы женушки собственные денежные средства. Утонченная и нежная, Настасья ни разу не дала ни одной взятки, и ей, конечно, никогда не приходилось с риском для жизни вести переговоры на глухом складе. Не в пример Ариадне, она не содрала ни одного перламутрового ноготка, занимаясь «своим» предприятием.

– И я другая, – продолжала тем временем Ариадна Михайловна. – Сейчас мне клиенты и партнеры в рот заглядывают и присылают во-от такие корзины цветов. Теперь я козырная дама. Ну что, Маргарита, решилась?

– А вы?

– Ты мне, честно скажу, с первого взгляда понравилась. Но я человек деловой. Поэтому, если договоримся, сначала возьму тебя с двумя неделями испытательного срока. Вдруг не сработаемся. Конкретнее об условиях. Условия труда, конечно, зверские, прости Господи. Работаем девять дней в неделю, тридцать часов в сутки. О самом главном-то я забыла спросить. Ты замужем? Дети?

– Нет.

– Отлично! Выходной – в любое время, когда у меня ничего не запланировано. Признаюсь, это бывает редко. Об оплате я тебе уже сказала по телефону. Твердая ставка. Но могу добавить по результатам месяца, если прибыль хорошая или настроение романтическое. Я не жадная, поверь. А если пойму, что ты для меня ценный кадр, могу и в два раза, и в три поднять тебе оклад...

Обычная стратегия нанимателя: пообещать золотые горы, а там будет видно. Но Ариадна, на словах такая бесхитростная, реально же – хваткая и тертая жизнью баба, – все равно понравилась Маргарите.

– Можно подумать?

– Думай, – согласилась бизнес-вумен. – Недельку. Я как раз во Францию съезжу, загар подправлю в Ницце, освежу кости этой... как ее... модное слово... Талассотерапией!

– Ну вы даете! – восхитилась Маргарита. – Что за зверь такой неведомый?

– Черт его знает. В турагентстве предложили, я купилась. Они ведь умеют уговаривать.

– Вы тоже.

– Значит, ты почти согласна? Хорошо, хорошо, не буду тебя торопить... Возьми мою визитку и звони, когда решишься...

Маргарита обогнула здание обл администрации с тыла и оказалась прямо у крыльца. Но на крыльце под длинным бетонным козырьком Настасьи не было. Она прохаживалась вдоль бесконечной клумбы с розами и конечно же неутомимо стригла купоны своей фантастической коммуникабельности: почетный конвой из четверки представительных мужчин двигался следом и трепетно прислушивался к каждой гениальной сентенции, выдаваемой Настасьей.

– А вот и моя прекрасная телохранительница! – воскликнула Настасья.

– И я бы от такой не отказался, – тихо толкнул под локоть один мужчина из Настасьино шлейфа другого.

– Ты немного задержалась, – заметила Настасья. – Господа, мы с вами прощаемся. Приятно было побеседовать...

Девушки направились к синему «рено».

– Все это оказалось феноменально скучно, – пожаловалась Настасья, нажимая кнопку кондиционера. – Полюбуйся, я пыталась делать заметки.

Маргарита мельком глянула в протянутый блокнот, практически не отрывая взгляда от дороги. Вместо убористого текста с дельными советами по увеличению прибыли, страничка была разрисована карикатурами. Наверное, Настасья пыталась изобразить немецких ораторов.

– Что они о нас знают? – с пренебрежением сказала она. – Что понимают в наших проблемах? И к чему вообще их миссионерство? В общем, Маргарита, я сбежала следом за тобой. Съездила в один гениальный магазинчик, выбрала себе невероятный костюм – ослепительно белый, легкий, немнущийся. Очень дорогой. Вон он в пакете на заднем сиденье. Завтра же его надену.

– Ты говорила, что завтра мы весь день просидим в конторе, занимаясь балансом.

– Ах, точно. Тогда в понедельник. А как твои дела? Тебе понравилась мадам Ариадна?

– Да.

– Что она собой представляет?

– Трудится в поте лица, потом пользуется всеми благами, которые можно купить за честно заработанные деньги. Так я поняла, по крайней мере.

– Не грустно будет променять добрую Настеньку на чужую даму? – Настасья протянула левую руку к рулю и немного повернула, корректируя курс. Автомобиль послушно вильнул. – Всегда нервничаю, когда ты держишь руль одной рукой! Ну-ка, быстренько вцепилась обеими руками, напрягла спину и выпучила от страха глаза, как и положено женщине, когда она управляет машиной!

Маргарита проигнорировала приказ начальницы. Ей было удобнее держать правую руку на рычаге коробки передач, а локоть левой положить на открытое окно.

– В отличие от тебя Ариадну мне придется действительно охранять.

– И при мысли об этом твои зеленые глаза начинают азартно сверкать. Да, Маргарита, я чувствую, ты устала от нашего умиротворенного существования. Жизнь без острых ощущений для тебя невыносима. Прости, но на меня никто не покушается.

«Рено» свернул с солнечной улицы Моцарта в глубокую тень Яблочного переулка. Справа и слева вдоль дороги высились яблони. В мае они наполняли воздух нежным ароматом, покрываясь розовой и белой пеной цветов. До элитной «хибарки» Кармелиных оставалось минут пять езды. Настасья достала из сумочки крошечный мобильник.

– Предупрежу Никитку, что мы едем. Пусть встречает.

– Зачем? – удивилась Маргарита. – Вдруг он спит?

– Днем? Спит? – изумилась Настасья. Она как-то не могла представить мужа мирно похрапывающим на диване в светлое время суток. Никиту и ночью-то трудно было заставить оторваться от дел. – Какая глупость, Маргарита!

... Действительно, на полосатом диване в стеклянном зале-аквариуме Никита Кармелин не спал, в кабинете – тоже. Но и встречать женщин не вышел. Владельца особняка нигде не было видно.

– Ах, ну неужели сбежал на завод, Маргарита?! Ведь обещал мне сегодня не работать! Никитушка! Выходи!

Вдвоем они поднялись вверх по лестнице. «И зачем нам такое количество комнат?» – словно в первый раз задумалась Настасья, открывая одну дверь за другой. Мужа нигде не было. Действительно, воспользовался предоставленной свободой и улизнул на любимое предприятие – работать, работать, работать... В красный будуар – супружескую спальню – Настасья толкнула дверь уже чисто автоматически.

Никита Андреевич неподвижно лежал на просторной кровати среди атласных подушек. Было совершенно ясно, что уже больше никогда ему не придется использовать это ложе для энергичных любовных развлечений или хотя бы для умиротворенного сна. Настасья отпрянула назад и закричала.

3

Оперативники Александр Валдаев и Илья Здоровякин сидели в рабочем кабинете и с видимым удовольствием просматривали видеокассету. Это вовсе не был вешдок с изысканной эротической сценой. На кассете была записана передача городского телеканала, посвященная юбилейной дате ГУВД.

Ребята любовались собственным изображением. Впервые у них взяли интервью телевизионщики. Увидев на экране свои до боли родные физиономии, парни сначала испытали легкий шок, а потом детскую радость.

Валдаев не предполагал, что со стороны он, оказывается, выглядит натуральным арийцем, причем очень и очень симпатичным. Светлый густой ежик волос в добавление к голубым глазам ежедневно отражался в зеркале по утрам, но на всю эту неземную красоту Саша как-то не обращал внимания. А теперь обратил и не понял, как смогла ему отказать Леночка из канцелярии Управления юстиции. «Дура!» – врубился наконец Валдаев и с молчаливого согласия друга Здоровякина перемотал кассету на начало интервью.

Огромный Здоровякин едва втиснулся в кадр, зато он основательно подготовился к встрече с прессой. Два дня зубрил шпаргалку, которую написала ему жена-программистка, и попросил оператора снять его на фоне компьютеров. Валдаев потерял дар речи, услышав, как друг ловко орудует терминами – «контроллеры, микропроцессоры, гиперссылки, обработка информационных массивов, системные утилиты». В результате Здоровякин предстал перед зрителями сыщиком нового поколения: умеющим не только метко стрелять, но использующим для поимки злодеев виртуальные средства. На самом-то деле они с Валдаевым эксплуатировали компьютер довольно однообразно – чтобы изрешетить электронными пулями фашистов в подполье. Но высокому начальству инициатива Здоровякина, послужившая созданию положительного образа органов, понравилась. Даже похвалили.

В дверь заглянул начальник отдела майор Зуфар Алимов. Тоже мужчина в самом расцвете сил. Только постарше оперативников.

– Все любуетесь, ребятишки? – недобро шевельнул он черными с проседью усищами и сверкнул зеленовато-серыми глазищами. – Дети. По шесть раскрытых убийств у каждого, а ведете себя как дети. Несбывшиеся надежды Родины. Сдайте мне кассету, не то, я чувствую, у нас процент раскрываемости упадет ниже, чем рубль год назад.

Валдаев и Здоровякин, громко и с надрывом вздыхая, выключили видеомagneтофон.

– Зуфаралимыч, новости какие-то? – осторожно спросил Александр, наблюдательно заметив, что майор не торопится покидать их уютный кабинет.

– Труп тебя устроит в качестве новости?

– Вот блин! – выругался Илья. – И в субботу покоя нет! Что за люди! Кого-то грохнули?

– Не кого-то, а гендиректора «Пластэка», Никиту Кармелина. Слышал, ты, мечта женщины бальзаковского возраста?

Валдаев и Здоровякин присвистнули и переглянулись. Имя Никиты Кармелина в городе было у всех на слуху.

– Так что начинайте работать. Адрес: Оранжевый бульвар, восемнадцать.

Майор резко ушел из поля видимости.

– Саша, ты читал Бальзака? – спросил Илья. – Сколько лет женщине бальзаковского возраста?

– В районе семидесяти двух, – авторитетно заявил Валдаев. – Вставай, поехали.

Здоровякин послушно поднялся с места. Лицо у него было задумчивое и удивленное.

Вызвав по телефону все, что возможно было вызвать, кроме пожарных, Маргарита посмотрела на несчастную Настасью. Та сидела в кресле, держала в руке стакан с водой и давилась слезами.

– Инфаркт, Маргарита, да, инфаркт? – спрашивала она телохранительницу. – Я всегда ждала этого...

Фужеры, пустой и полный, бутылка шампанского на столике около кровати, застеленной кроваво-красным атласным покрывалом... Потрясенная Настасья даже не заметила, что фужеров было два...

В спальне, стены которой были украшены эротическими миниатюрами, Маргарита почти никогда не бывала. Слишком интимным было это место в доме Кармелиных, оно словно хранило жар любви и все здесь подталкивало к определенным действиям. Наличие подобного будуара, оформленного не просто со вкусом, а с изощренной направленностью мыслей, говорило о том, что, несмотря на тринадцать совместно прожитых лет, Никита и Настасья не перестали волновать и любить друг друга.

Но Кармелин встречался в красном будуаре не только с любимой женой, поняла Маргарита... Несколько часов назад он зашел сюда вовсе не для того, чтобы в одиночестве полистать «Плейбой». Нет, Никита Андреевич был в доме не один. Маргарита предполагала, кто сегодня посетил особняк на Оранжевом бульваре и для кого было открыто дорогое французское вино.

Илья опрометчиво подумал, что расследование началось и пошло как-то очень удачно и гладко. Через пять минут после прибытия на место преступления (Валдаев совместно с другими коллегами работал в доме, осматривал комнаты, снимал предварительные показания) Здоровякин уже беседовал с группой подростков, экипированных в яркие шлемы и наколенники. Юные спортсмены целый день использовали отполированный асфальт напротив особняка Кармелиных для катания на роликах. Здесь дорога давала уклон, и к тому же место было очень тихое, автомобили редко беспокоили роллеров. Район Оранжевого бульвара был застроен дворцами и коттеджами городской бизнес-элиты.

Глазастые дети объединенными усилиями нарисовали Здоровякину картину субботнего дня. Подростки совсем не выглядели кретинами и недоумками, какими является вся российская молодежь, если ориентироваться на молодежные телепередачи и музыкальные каналы. Ребята владели связной русской речью и не сбивались на рэп, не призывали Здоровякина с дрожью в голосе заниматься только безопасным сексом и не носили жутких приспущенных штанов.

– В два часа дня мужчина в саду за воротами поговорил немного с двумя женщинами, а потом...

– Потом они вышли, сели в машину и уехали.

– В синюю машину.

– «Рено».

– Да, синий «рено», – говорили подростки, перебивая друг друга.

Илья никого не останавливал и все записывал.

– А тетки бы ли, одна в зеленом костюме – с брюкам и, а другая в голубом – с юбкой.

– Автомобиль классный, совсем новый.

– А мужчина ушел в дом.

– Коттеджик у них тоже не хилый.

– Потом в четыре где-то...

– Да, около четырех, я как раз посмотрела на часы, потому что мне в полпятого надо было домой сбегать...

– Пришла такая девушка. Все краски жизни для тебя, в одном флаконе.

– Я бы с таких высоких каблуков свалилась. Замолчите, все! Илья Кузьмич, я опишу вам девушку. Такие у нее волосы белые, пышные, до плеч. Прическа называется каре. С челочкой. Вы представляете, да? Солнцезащитные очки. Губы накрашены яркой помадой. Еще у нее была маленькая розовая юбочка, совсем короткая, аж все видно. И красная маечка. Вернее, кофточка. Тут три пуговички... Но пузо голое. А что было дальше, я не знаю, я домой уходила, товарищ капитан.

– Через сорок минут или там через час она вышла и потопала в сторону Яблочного переулка.

– А в шесть вечера вернулись зеленая и голубая женщины, вошли в дом и начали визжать. Потом понаехало машин – «скорая», милиция, прокуратура...

– Ребята, вы мне здорово помогли, – признался Здоровякин. Он возвышался над молодежью, словно утес над морем. – Никогда еще свидетели не предлагали мне такой точный хронометраж. А вы ничего не перепутали?

Разноцветные роллеры приумолкли.

– А фоторобот мы будем делать? – поинтересовался один из них после задумчивой паузы.

– Обязательно! – воскликнул Илья. – Скажи мне, ты запомнил, какого цвета были у девушки глаза?

– Она ведь была в темных очках...

– Так. Глаза отпадают, – грустит Здоровякин. – И брови, наверное, тоже?

– Я бровей не заметил.

– И я. А губы зато у нее были красные-красные. Яркие. Вот как у меня ободок на шлеме, посмотрите, товарищ капитан.

Милые дети старались как могли. Но дальше «белых волос, темных очков и красных губ» дело не шло. Если неизвестная девица пыталась замаскироваться, то она сделала это блестяще: поймала наблюдателей в плен зрительных ловушек.

– А как девушка попала в дом?

Сад вокруг особняка Кармелиных не был обнесен глухой бетонной стеной. Сквозь ажурную ограду любопытствующие вполне могли полюбоваться деревьями и цветами, но и только. Сам дом располагался в глубине сада и утопал в зелени. А обитатели особняка могли, в свою очередь, понаблюдать за любопытствующими, так как на уровне второго этажа над входом в дом была установлена маленькая видеокамера с подвижным объективом.

– Девушка позвонила, через минуту калитка зажуужала, щелкнула и открылась. И блондинка пошла к дому.

Илья заволновался:

– Нажала вон на ту кнопку звонка?

– Да! – хором ответили ребята.

– И на нее после уже никто не нажимал? – осторожно предположил Здоровякин.

– Как же! – засмеялась жестокосердная молодежь, лишая Здоровякина надежды заполучить четкий «пальчик» девицы. – Врачи из «скорой» втроем нажимали, потом еще куча народу. Она же все время захлопывалась...

Несмотря на поздний час, Валдаев и Здоровякин все никак не могли расстаться. И в конце концов решили вообще не расставаться, а отправиться ночевать к Илье.

Новое убийство поглотило их мысли. Трагически оборванная кем-то чужая жизнь становилась на какое-то время, пока дело не будет закончено, закрыто или отдано в другие руки, частью их собственной. Привычки Никиты Кармелина, круг его знакомых, родственников и коллег, его увлечения и страсти – в этот неизвестный мир должны были безжалостно вторгнуться сейчас Саша и Илья, вывернуть его наизнанку, изучая с лупой и пинцетом, отмечая

условности, невзирая на слезы и всхлипывания, выведывая подноготную, вытаскивая на свет самые неприглядные факты. Единственный способ докопаться до истины.

Начать с того, что мокрая и красная, как размороженный бифштекс, жена Кармелина на вопрос о таинственной блондинке смогла только невразумительно шмыгнуть малиновым носиком и в недоумении пожать плечами. «Вы путаете, Саша, – нервно сказала она Валдаеву. – Никто к нам не приходил. Какая блондинка?! Никита решил сегодня устроить себе полноценный выходной. Побывать в одиночестве...» Действительно, лучше бы Никита Кармелин прислушался к совету жены и провел часы отдыха в одиночестве. Возможно, тогда бы не пришлось эксперту констатировать, что смерть наступила в результате отравления цианидом.

– Елки-палки! – воскликнул вдруг Здоровякин и громыхнул кулаком по столу. Если бы на столе лежала парочка грецких орехов, то они превратились бы в пыль. – Я опять забыл купить кефир.

Ежедневно заботливый папаша Илья покупал в гастрономе напротив Управления внутренних дел два литра кефира и полкило творога. Учитывая количество потребляемых кисломолочных продуктов, из маленьких ушек здоровякинских пацанов уже был бы сыпаться чистый кальций.

– А если в ночном ларьке спросить, Санька? – с сомнением посмотрел он на друга. – Там есть кефир?

– Ага. С ликером.

– Эх, придется бежать в восемь утра.

– Сочувствую. Ты уже собрался?

– Пошли домой.

– Постой, я позвоню соседке, чтобы накормила Пульсатиллу...

Через пару минут, когда добрая соседка Валдаева уже была обременена просьбой выдать ужин Пульсатилле, валдаевской кошке, друзья закрыли кабинет и отправились по лестнице вниз, к выходу.

– Ты проверил видеокамеру над входом в дом? – спросил Илья.

– Конечно. Результат нулевой, так как сегодня она была выключена. Настасья Кармелина сказала, что они включают ее, когда дома никого не остается.

– Что еще она сказала?

– Что, отправляясь на бизнес-практикум в областную администрацию, она посоветовала мужу полноценно расслабиться, – усмехнулся Саша.

Илья тоже саркастически ухмыльнулся.

– А у мужика губа не дура, – сказал он. – Спровадил жену и пригласил девочку по вызову.

– Ты действительно так думаешь?

– А что?

– Ерунда.

– Почему? Судя по описаниям моих юных свидетелей, девица выглядела как самая настоящая проститутка. Розовая юбочка – набедренная повязка, из серии «ищи меня с лупой». Красная майка-лифчик.

И так далее.

– Ну и что? Мало ли кто как выглядит. Ты, например, после разноса Зуфаралимыча выглядишь взволнованным тушканчиком, но я-то знаю, что ты сильный, волевой мужчина, способный усмирить превосходящие силы противника или не моргнув глазом пятьдесят раз выжать двухпудовку.

Илья зарделся.

– Поэтому предположение о случайно приглашенной девочке по вызову отмечаем сразу. Как ты себе представляешь? Заказал мужик по телефону девицу, а она, вместо того чтобы приехать и честно отработать гонорар, ни за что ни про что травит клиента? Да и потом, кто

будет для проститутки откупоривать шампунь за двести долларов? У богатых, конечно, свои причуды, но они тоже не чужды рациональности.

– Сдаюсь, сдаюсь, ты прав. Значит, это была подружка Кармелина.

– Они заранее договорились о встрече. Но так как у подружки давно вырос на любовника зуб, скорее целый бивень, то она принесла в сумочке начинку для шампанского.

– Сумочки не было, дети не заметили.

– Ну, в кармане. Много, что ли, надо, не килограмм же несла.

– Ты телефоны проверил? Куда был сделан последний звонок?

– Проверил. Мобильник Кармелина автоматически регистрирует последние десять входящих-исходящих звонков. Сегодня Никита сделал всего один звонок – в Москву. Маме своей звонил.

– Откуда ты знаешь, что маме?

– Настасья сказала. Свекровь в Москве, в командировке. И номер, по которому звонил Никита, ее телефон в гостинице.

– Ясно.

– На обычном телефоне зафиксирован последний набранный номер – это оказался парикмахерский салон «Л'Ореаль». Настасья звонила утром, записывалась.

– Постой, а милицию они что, не вызывали?

– Вызывали. По сотовому Настасьи.

– У Кармелиных не дом, а филиал «Билайна». Эх, Саня, нам бы с тобой одну «сотку» на двоих. Ладно, поехали дальше. Пусть эта блондинка была его знакомой. Любовницей. Значит, они договорились о встрече. Только, Саша, мне кажется, что у такого крутого мужика и любовница должна быть попроще. Не выглядеть как вульгарная проститутка.

– Опять ты за свое. Слушай, а нам из лаборатории случайно не звонили?

Задав последний вопрос, Валдаев явно не рассчитывал на положительный ответ. Илья посмотрел на друга как на идиота:

– Звонили! Спрашивали, не желаем ли мы узнать результаты экспертизы! Раскатал ты, брат, толстые губешки! В понедельник сам сбегал и все узнаешь.

– Спасибо за добрый совет. Не терпится узнать про отпечатки пальцев.

– Санька, я, конечно, не микроскоп, но сам могу тебе все рассказать про отпечатки. Будет обнаружена целая тележка старых отпечатков жены и домработницы и свежие отпечатки Кармелина – на бутылке, фужере, столике и т. д. И все. Спорим? Кстати, Саня, мне пришла в голову гениальная идея. А если это самоубийство? Любовница так расстроила чем-то Кармелина, что он достал припрятанную граммочку цианида и выпил с шампанским. И откинул тапочки. Как тебе, а?

– Размечтался.

– Ладно, это я так. Предположил. А что там с предприятием Кармелина? Кто-то выиграет от его смерти?

– Компанией «Пластэк» активно интересовалась итальянская фирма «Лукас Милан». Ее представитель Маурицио Бартолли битый месяц сидит в гостинице «Звездная». Время от времени он атаковал Кармелина предложениями о взаимовыгодном сотрудничестве. Кармелин неизменно отвечал ему отказом, так как не собирался отдавать компанию в руки иностранцев. И без них прекрасно жили. Некоторое одобрение безумным идеям Бартолли выражал вице-президент компании, заместитель Кармелина. Его зовут Кобрин Ярослав Геннадьевич. Угадай с трех раз, какое у него прозвище?

– Кобра! – радостно отозвался Илья.

– Умный мальчуган! Теперь, после смерти Кармелина, новым президентом «Пластэка» станет, вероятно, Ярослав Кобрин. Сто процентов.

– Если вокруг «Пластэка» плетутся такие интриги, то, вполне возможно, девица вовсе не была долговременной подругой Кармелина. Ее подослало враждебное окружение.

– Интересно, что и мать Никиты Кармелина Юлия Тихоновна тоже является топ-менеджером компании и акционером с правом голоса. И она тоже не имеет ничего против, чтобы «Пластэк» сотрудничал с итальянцами и постепенно перешел в их владение.

– Мамашка! Против собственного сына! Ну и дела.

– Бизнес, мой дорогой, – жестокая игра.

– Но ты же, Сашок, не скажешь, что Юлии Тихоновне может быть выгодно убийство собственного сына? Не кошунствуй.

– А вдруг она ему не родная мать?

– Твоя фантазия беспредельна.

– Угу. Как материальные запросы депутатов Госдумы. К сожалению, с мамашей мне сегодня встретиться не удалось. Как ты понял, она в Москве. Ей сообщили о трагедии, должна прилететь. Если сердечный приступ не хватит.

– А жене выгодно было укокошить мужа? Анастасии?

– По паспорту она Настасья. Выгодно ли – пока не знаю. Сам выяснишь. Но Кармелин человек далеко не бедный. Один коттеджик чего стоит. И все имущество, да плюс наличность на счетах, наверняка у него не один счет в банке, да плюс разнообразные кубышки и, возможно, недвижимость за границей – все это баснословное безумство отойдет теперь Настасье. Если она непричастна к убийству и скорбит о смерти мужа, то материальные блага, доставшиеся ей, вряд ли смогут облегчить ее горе. Бери, Кузьмич, Настасью себе на растерзание.

– Почему мне? – удивился Илья.

– А ты заметил рядом с Настасьей диковатую глазастую брюнетку?

– Да я и в дом-то почти не заходил. В саду пасся да со свидетелями на улице.

– О, Илюша! Ты многое потерял! Какой чудный экземпляр! Девочка-Маугли в промышленных джунглях. Настороженная кошка, готовая мазнуть когтистой лапкой.

– Брат Валдаев, смотрю, тебя уже заклинило.

– И зовут ее Маргаритой Дорогиной. И она не абы кто, а ты не поверишь, лицензированный охранник из агентства «Бастион». Телохранительница Настасьи Кармелиной.

– Да? А почему не Никиты? Если бы твоя Маугли охраняла мужа, а не жену, может быть, и убийства бы не произошло?

– Значит, была причина нанимать Маргариту для Настасьи. Короче, Маргаритой займусь лично я.

– Я вижу, ты все распределил.

– И в высшей степени справедливо, мой друг. Ты человек семейный, несвободный. Тебе – Настасья, утопающая в слезах. Ей сейчас не до флирта. А я не женат и вполне могу поближе ознакомиться с уровнем физической подготовки «бастионной» охранницы. Проверим, на что они способны в этих частных агентствах...

Так, не прекращая увлекательного разговора, друзья достигли многоэтажки, в которой располагались апартаменты Здоровякина.

4

Двухкомнатная квартира, где царили бардак, неразбериха и звучали детские вопли, часто давала ночной приют Саше Валдаеву. Его жилплощадь находилась у черта на рогах, за рекой, и добраться туда на общественном транспорте после девяти вечера было так же малореально, как простому смертному попасть на Марс. А в доме Ильи у Валдаева всегда были забронированы зубная щетка, полотенце и раскладушка.

Навстречу мужчинам выкатились в прихожую два здоровякинских крепыша. Имея за спиной прожитых неполных два года, близнецы справедливо полагали, что ложиться спать в половине двенадцатого – гигантская глупость. У каждого изо рта торчало по огромному еврошурпу.

– Илья, ты пришел? – закричала из комнаты Маша.

– И я тоже! – крикнул в ответ Валдаев.

– Саня, привет! – обрадовалась Маша, но в прихожей не появилась. Ей трудно было нести с собой компьютер, а оторваться от своего божества она не могла ни на минуту.

Являясь известным в городе программистом, талантливая Маша все дни проводила в составлении программ для различных фирм и предприятий. С ее малолетними детьми у Маши была молчаливая договоренность: они не мешали ей работать, она не мешала им, Леше и Антоше, превращать в руины квартиру. Вот и сейчас, изъев из двух одинаковых маленьких ртов еврошурпу, Илья сокрушенно вздохнул:

– Кажется, разобрали шкаф.

Действительно, шкаф стоял в спальне в какой-то совершенно неприличной позе, растопырившись.

– Машка, извини, что я тебя отвлекаю, но дети что-нибудь ели, кроме шурпуков?

Маша оторвала затуманенный взор от монитора и надолго задумалась.

– Вроде бы я их кормила... – неуверенно сказала она. – Точно! Омлетом с колбасой! Но укладывать не стала, думала, ты вот-вот придешь и уложишь...

– Все понятно. Работай, работай, не отвлекайся.

Пока Илья на скорую руку купал младенцев, Саша отремонтировал несчастный шкаф. Обои в спальне висели лохмотьями, линолеум был оторван от пола и загибался по краям. Детские кровати чинились Здоровякиным и Валдаевым несметное число раз – зубастым деткам пришлось по вкусу деревянные жерди, а скакать на матрасах, изображая буйных коней, и вовсе являлось любимым занятием микроорганизмов.

В час ночи, оторвав упирающуюся Машку от компьютерного стола, парни кормили ее и себя опять же омлетом с колбасой.

– Я сейчас разрабатываю программу для компьютерной сети авиакомпании «Трансвэйз». Так увлекательно, – поделилась Маша.

Девяносто пять процентов Машиной жизни проходили в виртуальном пространстве. Когда у нее не шла работа, Маша, в качестве разрядки, ныряла в Интернет. Когда Здоровякин по глупости отправлял жену за продуктами, Маша упорно искала цветную капусту в магазинах, торгующих исключительно бытовой и компьютерной техникой. Вместо новых ботинок для малышей домой приносилась эргономичная клавиатура фирмы «Майкрософт». Когда Маша хотела расслабиться, она ставила компакт с играми или музыкой. На ее столе громоздились два компьютера, лазерный и струйный принтеры, сканер, факс-модем. Все это были приятные излишества – подарки фирм, для которых Маша когда-то создавала программы. Для работы и полного счастья ей хватало одного навороченного ноутбука и собственных мозгов...

– А знаешь, Саня, сколько готов выложить пресловутый «Трансвэйз» за Машкину программу? Наша с тобой совместная зарплата за два года.

– Правда, что ли? – изумился Валдаев. – Я не верю.

– Ну, за год, – снизил ставку Илья.

– Правда, – кивнула Маша. – А еще мне предложили сделать несколько анимационных заставок для сериала, который снимает в нашем городе режиссер Назаров, вы знаете? Московский режиссер и продюсер, он еще снял такой динамичный боевик-детектив, не помните? Показывали по НТВ в прошлом году. Илья, ну ты ведь смотрел! Я тогда еще страдала над программой для «Пластэка». Помнишь? А теперь этот Назаров снимает «экшн» в нашем городе, в главной роли – непобедимая сыщица, вся из себя сплошное секси, к тому же не расстается с минометом, как я поняла. Картину покажут в феврале будущего года. И он, Назаров, попросил меня смастерить кое-что из трехмерной анимации. Так, в плане развлечения...

– Ты делала программу для компании «Пластэк»? – в один голос спросили Валдаев и Здоровякин.

– Да, а что?

– А мы как раз сегодня были у него. У президента «Пластэка». Никиты Кармелина.

– С президентом я не виделась. Только общалась с их бухгалтерией. – Маша просительно взглянула на мужа. – Можно я еще посижу?

– Нет, – отрезал Илья. – Спать. Глаза красные. Волосы дыбом. Ночью поймаю на кухне с ноутбуком – изобью.

– Вы забыли, на кухне буду спать я, – скромно напомнил Саша.

Мария с трудом подавила вздох разочарования. Если бы случилось невероятное и компьютеры внезапно исчезли из нашей жизни, Маша упала бы на землю, завывала от горя и вскоре наверняка бы умерла от невыносимой тоски.

Засыпая на просторной двенадцатиметровой кухне, Александр слышал, как похрюкивают в спальне близнецы, как шумно дышит за стеной великан Здоровякин, и думал о Маргарите. О ее кошачьем зеленом взгляде. Валдаев легко увлекался.

5

Проведя жуткое воскресенье возле убитой горем Настасьи, рано утром в понедельник Маргарита посетила родное охранный агентство. Сорокатрехлетний директор «Бастиона» Юрий Павлович Садовченко, бывший спецназовец, седой, словно аксакал, смотрел на любимую подчиненную тяжело и безрадостно.

– Что, мать, уже имеешь в биографии второй труп?

– Да, – холодно кивнула Маргарита. Несмотря на большую разницу в возрасте, она была с начальником на «ты» – то ли по причине глубокой взаимной симпатии, то ли потому, что они давно работали вместе и ощущали некоторое родство душ.

– Ты, Юра, не забыл, что Кармелин не был моим клиентом?

– Только это тебя и спасает от растерзания, Марго.

Маргарита передернулась. Она почему-то органически не переносила данного – королевского – варианта ее чудесного имени. Юрий Палыч об этом знал, но не смог отказать себе в удовольствии понервировать девушку. Когда Маргарита злилась, ее щеки начинали пылать, а глаза сверкали, как два прекрасных изумруда.

– Надеюсь, твое алиби безупречно?

– Мое алиби конечно же безупречно, но неужели ты предполагаешь, что меня будут подозревать?

– Насколько удалось выяснить по собственным каналам, подозревать будут всех лиц женского пола, имеющих хоть какое-то, пусть самое косвенное отношение к Никите Кармелину. Ты что-нибудь знаешь? – пылливо уставился на Маргариту директор.

– Нет, откуда? – с детским удивлением отказалась она.

– Следовательно, я явно переоценивал уровень твоей профессиональной подготовки, – усмехнулся Юра. – После пяти месяцев, проведенных в семье, любая гувернантка или домработница смогла бы, не задумываясь, накидать мне с десятков версий, кто убил хозяина дома. А ты отнюдь не гувернантка. Или ты прикидываешься алюминиевой кастрюлькой, потому что не хочешь со мной откровенничать?

– Разве тебя интересуют сплетни? Зачем нам сотрясать воздух пустыми догадками? – равнодушно пожала плечами Маргарита. – Мне очень жаль Кармелина, хороший был человек. Но он убит, и статус-кво восстановить невозможно. Пусть сыщики думают, кто убийца, пусть ищут. А если мы с тобой сейчас начнем строить предположения, то уподобимся бабкам, которые переминают косточки соседям. Зачем?

– Бабки, косточки... – недовольно отозвался Юра. – Деловая колбаса. Только знай, теперь мне будет очень нелегко найти тебе новое место. Достаточно новому клиенту услышать имена Артема Германцева и Никиты Кармелина – и желание заполучить в телохранители изумительную девушку Риту, ловкую, смелую, сильную, сменится испугом. Наш контингент очень суеверен. Не знаю, как уж Кармелин решился взять тебя на службу после того, как ты не уберегла его друга Германцева, но...

– Так нечестно! – гневно воскликнула Маргарита, впервые изменив своему спокойствию. – Я никак не могла уберечь Артема от пули, потому что меня не было рядом с ним! Ты прекрасно знаешь это!

– Ладно, Риточка, не кипятись. Даже покраснела. В ярости ты просто великолепна. Чего и добивался. А как там фильм? Когда заканчиваются съемки? – сменил тему Юрий, весьма довольный, что ему удалось окончательно вывести Маргариту из состояния глубокой заморозки.

– Не хочу с тобой разговаривать! – обиженно надула губки Маргарита. Любое напоминание о гибели Артема Николаевича Германцева больно ее ранило.

– Ну прости! Конечно, ты не виновата в его смерти. Ладно, проехали. Когда фильм-то увидим?

В телевизионном сериале, который снимал в городе заезжий режиссер, Маргарита дублировала главную героиню. Актриса, изображавшая в фильме крутую сыщицу, в жизни не могла перепрыгнуть через полуметровую лужу, чтобы при этом не покалечиться. Маргарита выполняла за нее все рискованные трюки.

– Я еще должна отработать две сцены. Взрыв на стройке и полет на тросе, спущенном с вертолета, – с удовольствием ответила телохранительница. Она улыбнулась, словно говорила о вкусном десерте, приготовленном специально для нее.

– Смотри не убейся ненароком. Как ты это любишь, а? Жизнью рисковать. Я тебя, по идее, и на работу брать не должен был, с такой-то страстью к острым ощущениям.

Маргарита улыбнулась еще ярче.

– Ладно, топай. И все-таки подумай о железном алиби. Ты должна быть чиста, как Дева Мария или ванна после «Доместоса».

«А как же иначе? – думала Маргарита, трясаясь в автобусе. – Конечно, я чиста. Когда Никита Андреич встретился с убийцей, я разговаривала с Ариадной». И сейчас Маргарита ехала на улицу Карла Маркса именно для того, чтобы отловить бизнес-вумен, не дать ей уехать во Францию раньше, чем она подтвердит Маргаритино алиби. Телефоны, указанные на визитке деловой дамы Ариадны Михайловны, не отвечали, но Маргарита надеялась, что ее поездка увенчается успехом. Автобус насквозь продувался теплым ветром, так как все окна и люк в крыше были открыты. Крепкий парень, загорелый до оттенка пережаренного блинчика, долго и настойчиво упрашивал Маргариту сесть на его место, а потом смотрел на нее продолжительным взглядом.

Быстрым шагом приближаясь к офису фирмы, Маргарита думала о том, как резко изменилась к худшему жизнь бедной Настасьи и как мало застрахован кто бы то ни было от подобных фатальных изменений. До прошлой субботы Настасья беспечно срывала с древа судьбы сладкие и сочные плоды, наслаждаясь жизнью, любовью мужа, своей красотой, возможностью бездумно тратить деньги... Теперь для нее...

И тут Маргарита остановилась как вкопанная. Вместо белого пластика и броской бело-красной вывески «Ариадна», с фасада здания на нее смотрела другая надпись: «Агентство недвижимости „Корвет“».

Маргарита оглянулась по сторонам, ничего не понимая. Улица была та же, номер дома тот же, только офис «Ариадны» куда-то исчез. В полном недоумении Маргарита поднялась по ступенькам и открыла дверь. Сейчас она уже не могла сказать, была ли дверь той же самой или непоправимо изменилась за последние двое суток.

Ей навстречу поднялась из-за стола улыбающаяся девушка, юная, красивая, свежая, хорошо причесанная и умело накрашенная, – неременный атрибут всех фирм города.

– Добрый день, я могу вам чем-то помочь? Желаете купить, продать, обменять, снять квартиру?

– Помогите мне, пожалуйста, – немного жалобно попросила обескураженная Маргарита. – В субботу я была здесь, встречалась с одной дамой, но снаружи на здании было написано «Ариадна»... Оптово-закупочная фирма. И фасад выглядел совсем иначе...

Девушка замерла. Потом посмотрела на Маргариту с подозрением, явно предполагая, что посетительницу хватил солнечный удар.

– Вы не хотите выпить воды?

– Спасибо.

– Фирма «Ариадна»?

– Да!

– Не знаю, – удрученно покачала головой девушка. – Я здесь уже два года. Какая может быть здесь «Ариадна»? В субботу?

– В субботу.

– А мы в субботу вообще не работаем.

– А не мог кто-то воспользоваться вашим офисом?.. – начала было Маргарита. «Ага, и вывеску сменить, а стены залатать белым пластиком», – закончила она мысленно, понимая, что в глазах «корветчицы» выглядит сумасшедшей.

– Можно поговорить с вашим директором? – попросила она, почему-то надеясь, что директор фирмы сможет объяснить мистическую загадку исчезновения «Ариадны».

– А он в отпуске. Мы его уже давно не видели. Вы попробуйте прийти через неделю, может, появится. Думаете, он что-то знает?

– Что случилось? – В комнате шумно появился юноша лет двадцати пяти. – Катя, какие-то проблемы? Здрасьте, чем могу служить?

– Вот девушка утверждает, что в субботу она встречалась в нашей конторе с какой-то дамой. Причем на фасаде у нас была укрепленна вывеска не «Корвет», а «Ариадна».

Юноша внимательно посмотрел на Маргариту, потом осторожно взял ее запястье и посчитал пульс:

– Вроде нормальный. Голова не болит?

– Я не идиотка, – заверила Маргарита. – Правда, было написано «Ариадна»...

– Я в пятницу сам тут все закрыл и поставил на сигнализацию. И насколько я знаю географию нашего района, тут поблизости ни Ариадны, ни Менелая, ни Прометея, ни какой другой живности нет. Есть «Фантомас», если хотите, там хорошее чешское пиво, холодное, вкусное. Зайдите попробуйте, рекомендую...

– А у вас нет сотрудницы по имени Ариадна Михайловна Стоккер? – на всякий случай спросила Маргарита. – Именно с ней я встречалась в субботу...

Юноша и девушка Катя посмотрели сначала друг на друга, потом на Маргариту. Их глаза светились сочувствием...

Маргарита вышла на крыльцо «Корвета» и закрыла глаза от яркого солнца. Она сегодня забыла солнцезащитные очки. «Фантомас» действительно располагался неподалеку. Маргарита спустилась в прохладный подвальчик, где, сидя за деревянными столами, несколько посетителей тянули ледяное пиво под мягкой пенной шапкой из огромных стеклянных кружек. Маргарита попросила стакан холодной воды, вызвав легкую гримасу удивления у бармена, и вмиг осушила его.

Не в ее характере было паниковать, но Маргариту не покидало ощущение, что почва уходит из-под ног.

6

Компанию «Пластэк» накрыло серой волной уныния. Беспокойство и предчувствие конца благополучной жизни сквозняком носилось по производственным цехам. Работники предприятия привыкли полностью полагаться на президента фирмы Никиту Кармелина – «Пластэк» стал тем, чем был, в первую очередь благодаря таланту Никиты Андреевича, его энтузиазму, коммерческому чутью и хватке. И президент никогда еще не подводил своих подданных – вплоть до субботней трагедии. Когда позволил себе бесславно умереть.

В холле, за металлическими турникетами, обескураженных рабочих, инженеров, управленцев встречал траурный портрет с букетом темно-красных гвоздик. Владелец компании смотрел на коллег с легкой улыбкой, и было невыносимо грустно видеть совсем молодое, обаятельное лицо в обрамлении черной полосы.

«Ах, тебе бы жить да жить, – причитала себе под нос бабка-уборщица, во второй раз за утро вытирая пол в проходной. – Благодетель наш, голубчик... Как же мы без тебя...» В ее глазах Кармелин был кормильцем, давшим ей работу, бесплатные обеды, путевку в санаторий, подарки к праздникам. А после того как она два раза наперевес со шваброй подвернулась под ноги президенту и он не только улыбнулся ей, но даже умудрился запомнить имя (!), то стал для нее и вовсе божеством...

Двери в кабинет Кармелина были распахнуты, на его рабочем столе опять же стояла траурная фотография. Здесь уже побывали корреспонденты городской службы теленовостей.

– Ярослав Геннадьевич! – со стоном приподнялась навстречу вице-президенту компании Аллочка, секретарша. Она не расставалась с носовым платком, усердно растирая им лицо, и, благодаря настойчивым усилиям, приобрела замечательный ультрарозовый оттенок. – Горе-то какое!

Ярослав Геннадьевич Кобрин не снизошел до ответа. Аллочку (Алле вообще-то было «очень сильно за двадцать», ее внешность характеризовалась народной присказкой «зато умная», то есть чуть-чуть симпатичнее макаки, но, следуя стереотипу, существующему в отношении секретарской должности, зрелую девушку по инерции именовали детсадовским псевдонимом) он не переваривал, так как органически не мог простить женщине отсутствия красоты. Кармелин, очевидно, не придавал значения подобной ерунде – он не расставался с секретаршей пять лет.

– Горе-то какое! – продолжала причитать Алла, пытаясь укрепить на мокрой от слез переносице очки в тонкой пятнистой оправе. – Ярослав Геннадьевич, что же с нами будет-то?

– А что с нами будет? – буркнул Кобрин. – Кончай выть, а?

Аллочка хлюпнула носом и затихла. Очевидно, поняла, что неприятные изменения, связанные с утратой доброго начальника, уже начались.

– Пока все остается по-прежнему, – недовольно сказал Кобрин. – Мне кофе, как обычно. Факсы занеси, почту. И хватит, хватит рыдать!

Вице-президент попытался исчезнуть в своем кабинете, который находился напротив кармелинского, но Аллочка крикнула вдогонку:

– Теперь отдадите нас в рабство итальянцам?

Кобрин обернулся. Все в «Пластэке» от вахтера до топ-менеджера знали, что компанию замучили пристальным вниманием иностранцы. И если раньше возможность работать на местном предприятии считалась благом, то теперь настырных итальянцев воспринимали как захватчиков, которые мечтают присосаться к родной фирме и качать из нее прибыль. Кобрина возмущало такое единодушие.

– Кто отдаст?

– Ну, вы... Вы же не против...

– И чем тебя так пугают итальянцы?

Аллочка издала финальный всхлип и покончила с истерикой.

– Начнем с того, что изменение статуса компании на «совместное предприятие» автоматически меняет схему отчисляемых нами налогов, – сказала она уже почти спокойно. – Вторых...

– Знаешь, милая, ты лучше свари-ка мне хороший кофе, – перебил Кобрин. – Нахвата-лась выражений. Схема налогов, статус компании... – фыркнул он и скрылся за дверью.

– Змее место в террариуме, – тихо сказала Аллочка, включая кофеварку. – Эх, Никита Андреевич, как не вовремя вы нас покинули!

Результаты поиска, отразившиеся на экране ноутбука, добили Маргариту. Компьютерная версия телефонного справочника содержала самые свежие данные и не могла обманывать. В городе не проживала женщина с именем Ариадна Михайловна Стоккер. Домашний и рабочий телефоны с ее визитной карточки принадлежали другим людям. Фирма «Ариадна» тоже не имела ни адреса, ни телефона, ни факса.

– Приехали! – констатировала Маргарита. – Какая глупая шутка! – Она откинулась в кресле и задумалась. Энергичнее всего она гнала от себя мысль, что мистификация, устроенная Ариадной Михайловной, как-то связана с убийством Никиты Кармелина. Но разговор с бизнес-леди и трагедия в особняке на Оранжевом бульваре почему-то чрезвычайно точно совпали по времени...

– Но у меня ведь есть еще одна зацепка! – вспомнила Маргарита. Она порылась в сумке и вытащила обрывок газеты с объявлением «Бизнес-леди примет на работу телохранителя...».

Ей повезло: номер контактного телефона, указанный в объявлении, не ответил равнодушными гудками.

– Здравствуйте, мы с вами уже разговаривали, – начала Маргарита.

– Здравствуйте, – отозвался женский голос.

– Ваш телефон указан в газете. Меня зовут Маргарита Дорогина, я оставляла вам свои данные, чтобы вы передали их Ариадне Михайловне Стоккер.

– Да, наверное. Кроме вашего, было еще несколько звонков. Что-то случилось?

– Видите ли, я встретила с этой самой бизнес-леди, – объяснила Маргарита. – Мы поговорили. А теперь я никак не могу ее найти.

– Сочувствую. Но что вы конкретно хотите от меня?

– Помочь мне найти испарившуюся даму. Скажите, когда вы с ней встречались?

– Я с ней вообще не встречалась.

– Как?

– Так. Я дала объявление в газету, предложила услуги диспетчера на телефоне. Позвонила Ариадна Михайловна, и мы договорились. Через пару дней мне принесли с почты денежный перевод. Я инвалид, из дома не выхожу. Потом, когда Ариадна Михайловна опубликовала свое объявление, поступило несколько звонков, в том числе и ваш. Она перезвонила мне и все записала. Думаю, моя информация вряд ли поможет вам найти эту женщину.

– Действительно, – обреченно вздохнула Маргарита. – Извините за беспокойство.

Не успела Маргарита вновь откинуться в кресле и предаться мрачным мыслям, как зазвонил телефон. Голос Настасьи звучал немного хрипло – результат двухдневных рыданий.

– Маргарита, пожалуйста, приезжай немедленно, – сказала она. – Мне надо с тобой погово-
ворить.

7

Незатейливая головоломка-пазл постепенно складывалась в картину. Никита Кармелин был отравлен ядом, подсыпанным в фужер с шампанским. Жестокий поступок, недостойный настоящей пионерки, был совершен, судя по всему, эффектной белокурой девушкой, которая посетила особняк на Оранжевом бульваре и находилась в нем именно в тот промежуток времени, когда несчастный бизнесмен скончался. Кроме юных спортсменов на роликовых коньках, нашелся еще один свидетель – подполковник в отставке, видевший, как светловолосая красавица с фантастическим и ногами высадилась из некоего транспортного средства на улице Радистов, перпендикулярно пересекающей Оранжевый бульвар. Учитывая визуальные характеристики девушки, выяснить, на каком именно «транспортном средстве» приехала подозреваемая – «жигуленке», джипе, бронетранспортере или даже крокодиле, – не удалось. Вопрос о происхождении яда решался довольно просто: на воскресном Атлантическом рынке (располагался возле рыбного магазина «Атлантика»), почти не маскируясь, можно было купить не только ампулу с цианидом, но и межконтинентальную ракету. Свежие отпечатки пальцев на бутылке шампанского и фужере принадлежали, как и предположил капитан Здравякин, исключительно Кармелину...

– Посмотрим кассету? – предложил Илья.

– С нашими рожами? – удивился Александр. – При всей моей эгоцентричности – извини, друг, уже явный перебор.

– Нет, с не нашими рожами. Вот, раздобыл на местном ТВ. Довольно свежая передача с участием Никиты Кармелина. Отснята месяц назад, в середине июля.

– А... Давай. Вникнем. Печальное знакомство постфактум.

– Почему печальное? – удивился Илья.

– Как почему? Потому что единственной возможностью познакомиться с Никитой Кармелиным для нас осталась эта кассета.

– Ну а тебе-то что за горе? Ты ведь не жена его и не белокурая подружка...

– Стоп! Насчет белокурой подружки. За пуговицу рубашки, что была надета на Кармелине, зацепился белый волос. И знаешь что?

– Ну что, что? Санька! Не тяни, как стоматолог!

– А то. Волос искусственный. От парика!

– Елки-палки!

– Я погрузил в машину парочку подростков – роллеров, с которыми ты беседовал в день убийства, заехал с ними в магазин «Головные уборы» на улице Петрарки. Они вмиг нашли на витрине похожий скальп. Знаешь, что сказала продавщица? «Очень ходовая модель». Натуральные блондинки практически перевелись. И у них светлые ресницы. Согласись, белые ресницы асексуальны.

– А что? Вполне можно смириться. Главное, чтоб не на спине росли, – заметил Здравякин.

– А ты покупаешь паричок по умеренной цене, и в зеркале – Мэрилин Монро. Или Маша Распутина, кому как больше нравится.

– Теперь нам и подавно не найти эту таинственную девицу. Даже масти ее не знаем, – вздохнул Илья. – Давай смотреть кассету.

– Давай. Может быть, поймем, что за фрукт был Никита Кармелин.

– Хороший фрукт, половозрелый. С женой, любовницей.

– Не понимаю я его.

– Ты?! Ты, мой сексуальный гейзер, и должен понимать его лучше всех!

– Он принимал любовницу в райском уголке, специально отведенном для забав. Знаменитая японская графика на стенах – как наглядное пособие, как возбуждающее средство. А бескрайняя кровать! Ложе Калигулы, не меньше.

– Как раз и принимать подружку в такой обстановке. Стимулирующей. Чтобы система наведения не дала сбой.

– Нет! – вскричал Валдаев. – Нет! Ты, Здоровякин, не понимаешь. Ведь это супружеская спальня, ее придумывали и обустраивали совместно с женой. И пригласить туда любовницу – цинизм. Ты бы положил любовницу в супружескую кровать?

– У меня любовниц нет, ты же знаешь. А тебя положил, когда Машка в Питер уезжала. А что? Нельзя было?

– Меня – можно. Ладно, давай кассету.

Недоуменно пожав плечами, Илья включил видеомagnetофон. Его очень удивило трепетное отношение холостого Валдаева к понятию «супружеская спальня».

С экрана телевизора смотрел живой и веселый Никита Кармелин. Интервью брала упитанная дама-журналистка, ее мягкий бок постоянно занимал кусочек экрана на переднем плане. Сначала снимали в апартаментах, знакомых Александру, – гигантская гостиная-аквариум на первом этаже особняка. Настасья, красивая, пушистая, милая, сидела рядом с мужем на диване и нежным цветом лица соперничала с розами, стоявшими в огромной напольной вазе и постоянно привлекавшими внимание оператора. Настасья поглядывала на Никиту снизу вверх, внимательно слушала и словно оттеняла достоинства мужа и его значительность.

Потом Кармелин с гордостью выступал в роли гида – показывал телевизионщикам и зрителям свое детище, водил по цехам и складу, предлагал нырнуть в бассейн, угощал супом и котлетами в столовой...

«Если судить по атрибутам – джип, костюмчик за пару тысяч, мобильник, – вы „новый русский“...» – говорила тележурналистка, отодвигая от себя ногой настырного младенца. В детский садик, прямо под крышей завода, сдавали на время смены своих чад рабочие «Пластэка».

«Пальцы веером? – засмеялся в ответ Никита Андреевич. – Идемте дальше... Я, конечно, мог бы передвигаться на ослике, носить набедренную повязку и общаться с партнерами посредством голубиной почты, но согласитесь, весь мой бизнес зачах бы на корню. Понятие „новый русский“ содержит определенный негативный оттенок. Себя я бы не отнес к этой категории людей. Все, что имею, я заработал своим трудом. Я не прикарманивал государственные средства, не собирал кредиты, не присасывался к бюджету жадной пиявкой... Я производжу товар и получаю за него хорошие деньги».

«Люди как вы, крупные предприниматели, бизнесмены, составляют группу риска. Заказные убийства случаются чуть ли не ежедневно. Вам ни когда не хотелось уехать за границу и обосноваться в более спокойном месте?»

«Вы имеете в виду Гренландию? Или Антарктиду? Только там, наверное, и можно не опасаться пули киллера. Жаль только, тюлени не смогут оценить по достоинству изумительные пластмассовые тазики, которые мы производим в числе прочего».

«Значит, вам не страшно жить в нашей криминальной стране? У вас есть телохранители?»

– Какие-то тупые вопросы она задает, правда, Илюша? – возмутился Александр. – Кому не страшно? Всем страшно. И что из того? А если и не страшно, то самому смелому всегда может упасть на голову кирпич.

– А что, нормальные вопросы, – вступился за журналистку Здоровякин. – Я бы на месте Кармелина давно рванул бы в Канаду. Там действительно поспокойнее. Но Кармелина-то убил не киллер. Ему не подкладывали бомбу в машину и его не расстреливали из автомата.

– Откуда ты знаешь, может быть, наша девка в парике и есть самый настоящий киллер?

«Телохранителей у меня нет, но есть отличная секретарша Алла. Когда я не хочу с кем-то встречаться, она забетонирует вход в мой кабинет, но персону нон грата не пропустит. Зато телохранитель есть у моей любимой жены Настасьи».

«Значит, за здоровье жены вы все-таки опасаетесь?»

– Ну привязалась, убогая! – не сдержался Валдаев. Похоже, толстая телевизионщица активно ему не нравилась.

«Конечно, опасаясь. Иногда она пытается починить застёжку у клипсы электроножом...»

В подобном духе интервью продолжалось еще около десяти минут.

– Ну, что скажешь, Валдай?

– Что я скажу? Нормальный мужик. Симпатяга.

– М-да. Знаешь, Саня, имея такую обалденную жену, я бы не стал заводить ненадежных любовниц.

– А надежных? Да, действительно, жена у Кармелина из разряда «от кутюр». Штучный экземпляр. Хотя, когда я беседовал с ней в субботу, она мало напоминала красавицу с видеокассеты. Так, придавленная сапогом водяная крыска...

– А что ты, Саня, хочешь? Подле теплого трупа-то! Нет, зря Кармелин изменял Настасье. Я бы не стал.

– Я бы тоже. Разве что с телохранительницей жены. С Маргаритой.

Дверь распахнулась, и в дверном проеме возник майор Алимов. Он любил появляться внезапно и устрашающе, очевидно представляя себя Бэтменом. Зуфар Алимович с подозрением посмотрел на Валдаева и Здоровякина. Те не пошевелились. Наверное, занимались в момент появления начальства вполне легитимной деятельностью.

– Работаете, противные ребятишки?

– Работаем, Зуфар Алимович, работаем, – отозвались оперативники. – Вот, сексуальную жизнь Кармелина обсуждаем.

– Да? Ну хорошо. – Майор вроде собирался сказать что-то умное и глубокомысленное, но передумал и, ободрительно кивнув подчиненным, вышел из кабинета. Через секунду вернулся: – На обед-то куда-нибудь пойдете, жертвы марвелона?

– Ко мне домой, наверное, сходим, да, Сашка? – предложил Здоровякин.

– Обязательно пообедайте. Здоровье надо беречь смолоду. А то наживете себе язву, бойцы. Ну ладно, работайте пока, работайте. – Зуфар Алимович скрылся. На этот раз окончательно.

– Ты не знаешь, что такое марвелон? – не понял Здоровякин.

– Одно из двух. Или противозачаточные пилюли, или слабительное.

– Странно. При чем тут они? – удивился Илья. – Алимич вечно завернет что-нибудь непонятное. Ладно, вернемся к делу. Знаешь, вот я все думаю про...

– Я вспомнил! – заорал вдруг Валдаев и хлопнул себя ладонью по лбу.

– Что?! – подпрыгнул на стуле Здоровякин. Он понял: друг, осененный внезапной догадкой, вплотную приблизился к раскрытию убийства. Илью охватил священный трепет. – Что, Сашенька?

– Ты, забывчивая гондурасская скотина, опять не купил детям кефир и творог! Дуй живо в магазин, а то закроется на обед!

Если бы Валдаев представлял собой засушенный трупик таракана, то и тогда Илья посмотрел бы на него с большей нежностью.

Маргарита мчалась вниз по лестнице, спускаясь с третьего этажа. Она неслась сломя голову не потому, что спешила на встречу с Настасьей, а потому, что представляла себя участницей группы захвата, – внизу ждал воображаемый противник, и Маргарита должна была

его обезвредить. На лестничных площадках девушка тормозила и, подпрыгивая, впечатывала подошву кроссовок в стену или посылала в воздух резкие короткие удары руками.

– Тренируешься, Риточка, – отшатнулась в сторону бабулька в наглаженном платочке, едва не угодив под апперкот.

– Здравсьте, баб Лен! – крикнула Маргарита. Однокомнатная квартира досталась Маргарите в наследство от бабушки. Пенсионеры, в основном населявшие подъезд, помнили «Риточку» еще четырехлетней девочкой, выписывавшей лихие виражи на трехколесном велосипеде. Они знали, что Маргарита – спортсменка и никогда не откажется помочь. Девушку звали, если у кого-то захлопывалась металлическая дверь или глупый кот забирался на развесистую иву, упирающуюся крепкими ветвями практически в окна пятиэтажки. Смелая и отзывчивая, Маргарита лезла в чужую квартиру через форточку или, наоборот, со своего балкона прыгала на иву – отдираť от ствола прилепившееся коалой испуганное животное. Поэтому, ловко уйдя из-под удара, баба Лена отнеслась к Маргаритиным выкрутасам с пониманием.

В тридцати метрах от дома громоздилась кучка железных гаражей. В одном из них, подле старенького «Москвича», сверкал хромированными поверхностями и лаком дорогой навороченный мотоцикл. Автомобиль принадлежал соседу Маргариты, ветерану войны, но ключи от гаража поступили в ее пользование сразу же, как только спортсменка обзавелась шикарным японским другом. Потому что более года назад, в День Победы, Маргарита защитила старого солдата от издевательств молодых кретинов. Пьяные и гогочущие, они обступили седого ветерана, сорвали с головы фуражку и стали дергать ордена на кителе. И тут с радостной, немного кровожадной улыбкой на губах подросла некая девица и принялась швырять парней направо и налево. Чувствовалось, что если она и занималась когда-то дзюдо или каратэ, то пришла в секцию не для того, чтобы научиться приемам защиты, а из желания получить возможность драться каждый день по три часа кряду. В результате через пять минут после начала побоища юноши валялись на асфальте у ног ветерана войны и умоляли его утихомирить «внучку».

Маргарите везло: если она спасала кого-то из беды, то ей отвечали благодарностью, что бывает часто, но не в соотношении один к одному. Вот и дорогую «хонду» она купила не на свои деньги, а получила в подарок от Никиты Андреевича. За то, что спасла ему жизнь...

Могучий зверь, выведенный на свежий воздух из темного прохладного гаража, засиял на солнце серебристо-вишневыми обтекаемыми поверхностями. Для путешествия верхом требовалась соответствующая экипировка. Все, что было надето на Маргарите – тонкие бриджи, майка, – обтягивало ее, словно вторая кожа. Космический шлем и крутые перчатки превратили ее в галактического пришельца. С затаенным восторгом представляя себя со стороны, Маргарита мягко, по-кошачьи села в седло. Три секунды – и она уже мчалась по ярким, солнечным улицам города, наслаждаясь скоростью, ветром и производимым грохотом.

– Почему ты исчезаешь? – со слезами в голосе спросила Настасья. С утра она вызвала визажиста: дорогой профессиональный макияж должен был заставить ее отказаться от слез. И сейчас Настасья крепилась, но горло ей сдавливало. – Я не хочу, чтобы ты бросала меня в такой момент!

За несколько дней после субботней трагедии Маргарита была как бы повышена в звании – из телохранительницы-секретарши она превратилась в добрую подругу, на плече которой рыдают и от которой ждут слов утешения. Нельзя сказать, что Маргарита была в восторге. Она очень сочувствовала бедняжке Настасье, сожалела о невозвратности Никиты Андреевича, но слезы ее раздражали, выводили из себя.

– Мне надо с тобой поговорить, – траурно, словно под аккомпанемент сарабанды, начала Настасья. Увлекая за собой телохранительницу, она устроилась на оттоманке и, судя по удобной позе, собиралась провести в причитаниях не менее часа.

Убитая горем, большая, грузная и всегда почему-то очень нарядная домработница Валентина Генриховна принесла девочкам ледяной сок и минералку. Маргарита жадно присосалась к высокому бокалу и, укоряя себя за черствость, постаралась настроиться на волну Настасьи. Но мысли толпились вокруг личной проблемы – исчезновения Ариадны Михайловны и ее фирмы.

– Тебя не спрашивали о какой-то девице, которая якобы отиралась в субботу у наших ворот?

– Со мной почти не говорили, – коротко ответила Маргарита. Она не хотела развивать тему неизвестной посетительницы.

– Тот парень из уголовного розыска... Александр... Он так странно меня расспрашивал, Маргарита! Получается, эта самая девица пришла в дом в наше с тобой отсутствие и подсыпала яд в бокал Никите. Какой бред!

Маргарита молча и настойчиво тянула через трубочку литр холодного апельсинового сока.

– Почему ты мне не отвечаешь? – обиделась Настасья.

– Но ведь кто-то подсыпал отраву, – осторожно сказала Маргарита.

– Ну что за ерунда! – воскликнула Настасья. – Вздор! Чепуха! Признайся, ты что-то знаешь?

– У меня тоже не все гладко, Настасья, – сказала Маргарита, вновь проигнорировав вопрос о таинственной визитерше. – У меня нет алиби.

– Алиби? – изумилась Настасья. – А зачем оно тебе?

– Наверное, насмотрелась детективов по телевизору. Просто сегодня или завтра мне придется беседовать с теми симпатичными ребятами из уголовного розыска или с каким-нибудь следователем из прокуратуры, и они обязательно спросят, где я находилась в момент... когда случилось наше горе...

– Мы же с тобой были на семинаре, – равнодушно пожала плечами Настасья. Ей не терпелось вернуться к собственным проблемам и страданиям, Маргарита же уводила ее в сторону. – Ты-то какое имеешь отношение к смерти моего мужа?

– Но я ведь уходила на встречу с Ариадной.

– И прекрасно. Ариадна подтвердит, что ты битых два часа обсуждала с ней твою новую зарплату.

– Налей мне сока.

Маргарита выбралась из кресла. В другой ситуации она напомнила бы Настасье, что она не прислуга и не обязана бегать с кувшином. Но просьба, хотя и без слова «пожалуйста», прозвучала так жалобно, а сама Настасья выглядела такой несчастной, что через секунду получила в зубы желаемый бокал.

– Спасибо.

– Я не могу найти Ариадну. Она исчезла.

– Уехала?

– Возможно. Я ничего не понимаю. Ариадна пропала, ее фирма испарилась... Не исключено, дамочка хотела использовать меня для какой-то своей игры. Не знаю. Но результат таков: я осталась без алиби.

Настасья глубоко вздохнула. Какими ничтожны ми представлялись ей проблемы телохранительницы!

– Что ты переживаешь? Что ты суетишься? Конечно, мне безумно интересно, куда делась твоя Ариадна, но тебя никто ни о чем не будет спрашивать. Я сказала, что мы с тобой провели все время на семинаре в обладминистрации. И больше никаких вопросов не возникло. Извини меня, Маргарита, за тупость, но я все равно не понимаю, при чем здесь мы с тобой?!

Над искусным Настасьиным макияжем нависла зримая угроза. Настасья собиралась заплакать.

– Я ведь тоже не сидела в зале от и до, мне стало скучно, и я уехала в магазин. Кто подтвердит мое алиби? Если б мы не договорились с тобой встретиться на крыльце администрации, я бы проторчала в магазине еще дольше. И из этого следует, что я могла приехать домой и насыпать яд в шампанское Никите? Маргарита! Да я вообще не верю, что его отравили! Это полная галиматья!

Настасья с детской наивностью пыталась защититься, отворачиваясь от фактов. Тень неизвестной блондинки и отравленного шампанского маячила рядом, Настасья упорно не желала ничего знать. Грязь, пошлость, пересуды, сплетни – вот что означала для нее возможная причастность к смерти Никиты чужой женщины. Настасья хранила любовь к мужу и хотела верить, что Никита был именно таким, каким она его себе представляла.

– Тогда я попрошу тебя не говорить о моем отсутствии, ладно? – опять вернулась к своей теме Маргарита. – Пусть считается, что я все время провела рядом с тобой на встрече.

Настасья утомленно закатила глаза:

– Да пожалуйста! Можешь и не переживать. Уверена, два десятка мужчин, которые поехали нас с тобой глазами на крыльце администрации перед началом и после окончания семинара, с радостью подтвердят наше присутствие. Хотя я не думаю, что кто-то будет их спрашивать.

Маргарита в этом совершенно не сомневалась. Внезапно ей захотелось рассказать все Настасье, предупредить ее, хоть немного защитить от неминуемого вторжения в ее мир, который совсем недавно был таким светлым, радостным, счастливым. В ближайшие недели прайвэси семьи Кармелиных, их личное жизненное пространство подвергнется тщательному досмотру, препарированию, будет отдано на растерзание жадной до сплетен публике. И Маргарита знала, что ее нежная и слабая начальница совершенно не готова к подобной жестокой процедуре. Но не решалась стать человеком, который первый объяснит Настасье масштабы ее заблуждения.

– Отпусти меня, пожалуйста, на съемки, – попросила она.

– Снова уходишь, – скорбно и укоряющее заметила Настасья. – Ладно, топай. Не подводи партнеров по фильму. Что ты будешь делать сегодня?

– Сегодня так, прикидка на местности. Тренировка. А в планах – красивое падение с восьмого этажа.

– Господи!

– Нет, нет, в последний момент зацеплюсь за край балкона и... Не знаю, как получится. На тонком лице Настасьи отразилось сочетание ужаса, уважения и непонимания.

– Только не убейся, я тебя прошу. Именно этого мне и не хватает для комплекта. Чтобы и с тобой что-нибудь случилось... – попросила она телохранительницу. – Ладно, мчись. Вижу, ты как на иголках...

Маргарита с благодарностью кивнула на прощанье, и вскоре чудовищное рычание за окном возвестило о ее отбытии.

– Никогда бы в жизни не села на мотоцикл, – сказала себе Настасья. – Ненормальная девчонка! Безусловно, ненормальная. Валентина! – заорала она. – Валентина! Принеси мне чистый носовой платок. Буду плакать. Все равно макияж испорчен.

– Да, буду плакать, – настойчиво повторила Настасья, обращаясь к невидимому оппоненту. – А что остается делать в моей ситуации?..

Но прежде чем начать плакать, она поднялась с дивана, достала из бара начатую бутылку белого вина и основательно приложила к горлышку.

– Никита, видел бы ты, как стремительно деградирует твоя жена, – вздохнула Настасья и всхлипнула.

8

Стопка отпечатанных бумаг пролетела над письменным столом и шлепнулась перед Аллой. Так как утренняя роза в этот момент пыталась английской булавкой заколоть блузку у себя на груди (оторвалась пуговица), то едва не обошлось без кровопролития.

– А-а-а! – дико закричала Алла, от ужаса теряя остатки привлекательности. – Ярослав Геннадьевич! Вы что! Я едва не проткнула себя насквозь! Еще миллиметр – и стала бы жертвой пневмоторакса!

– Переделать в соответствии с ремарками, – бросил вице-президент «Пластэка». – Тебе не кажется, что ты чересчур разговорчива? И приведи себя в порядок. Ты не в бассейне.

– У меня всего лишь оторвалась пуговица. И я хотела...

– Ладно, проехали. Извини, что ненароком напугал. Переделай документы и распечатай. Через пятнадцать минут они должны лежать на моем столе.

Алла скептически посмотрела на толстую пачку:

– Если они и будут лежать через пятнадцать минут на вашем столе, то я уж точно буду лежать под столом в состоянии глубокого потрясения и с вывихом обеих рук. Нереально, Ярослав Геннадьевич. У нас, конечно, скоростной принтер, но ведь...

– Ты никогда не задумывалась о том, чтобы сменить место работы? – холодно процедил сквозь зубы Кобрин.

Аллочка вмиг утратила красноречие. Она привыкла свободно выражать свое мнение в присутствии Никиты Андреевича, и Кармелин ничего не имел против, даже прислушивался к замечаниям верной секретарши. Алла понимала, что теперь, после смерти президента, ее жизнь немного осложнится, учитывая вредный характер Кобрина. Но о вероятности скорого увольнения она даже не задумывалась.

– Ярослав Геннадьевич, я не понимаю. Вы мною недовольны? – робко спросила девушка. Потерять место в «Пластэке» после пяти лет работы было для нее трагедией.

– Трудись, – сухо ответил Кобрин. – Посмотрим. – Он скрылся за дверью. Алла скорчила вслед кошмарную рожу. Обернись вице-президент в этот момент, Алла вмиг вылетела бы с должности секретаря, а у Кобрина, несомненно, от увиденного встали бы волосы на голове дыбом...

Двадцать минут ушло только на лихорадочное исправление текста. Документы были составлены Никитой Андреевичем, и, по мнению Аллочки, все замечания на полях, нацарапанные «паркером» Кобрина, несли не конструктивизм, а желание продемонстрировать себе и миру, что время Кармелина безвозвратно кончилось. Зарядив принтер бумагой и включив его, Алла покинула приемную на пять минут – рваным аллюром пробежаться до туалета. Когда же она вернулась, то с негодованием и отвращением обнаружила, что дверь кобринского кабинета закрыта на замок.

– Смылся, подлец! – поняла Аллочка. – А мы тут с принтером, как идиоты, рвем жилы, чтобы быстрее вернуть документы его величеству. Чувствую, действительно придется искать новое место. Не уживемся мы с товарищем Гадюкиным, не сработаемся. И чем я ему не угодила?

Алла бросила взгляд в зеркало на стене. По ее мнению, образ идеальной секретарши был выдержан на все сто. Синий костюм, белая блузка. Очки в тонкой изящной оправе. Выдающиеся профессиональные качества. Безграничная компетентность. Тонкое обаяние. К своему счастью, Аллочка могла бесконечно долго цитировать список собственных достоинств. Если бы Ярослав Геннадьевич Кобрин сказал ей, что с великим удовольствием променял бы упаковку компетентных Аллочек на одну-единственную бестолковую Барби, но с дивной полнотражной грудью, пышной челкой, тонкой талией и так далее, Алла была бы шокирована.

– Да! – сердито сказала она в телефонную трубку, раскладывая на столе отпечатанные документы. – Компания «Пластэк», приемная.

– Ярослав Геннадьевич уже ушел? – спросил приятный и музыкальный женский голос, причем интонация, с которой было произнесено имя Кобрин, совершенно не соответствовала чувствам, испытываемым в данный момент Аллочкой по отношению к вице-президенту. «Ярослав Геннадьевич» прозвучало нежно, певуче, с любовью. – С кем я разговариваю? Это секретарь?

– Да. – Алла вслушивалась в дивное контральто. Чудесный голос вовсе не принадлежал супруге Кобрин. Она слышала его впервые. – Ярослав Геннадьевич отсутствует. Ему что-то передать?

– Нет, спасибо.

– Пожалуйста.

Алла в задумчивости опустила трубку радиотелефона.

– По работе? – спросила она у себя. – Коллега? Партнер по бизнесу? Заказчица? Поставщик? Но я бы знала. Тогда – любовница. Точно, любовница.

И Алла вернулась к бумагам, не переставая размышлять о неожиданном звонке. До сегодняшнего дня личная жизнь Кобрин ее абсолютно не волновала. Алла вообще довольно редко, принимая во внимание прохладное отношение к ней вице-президента, контактировала с Ярославом Геннадьевичем.

Она упивалась деловым общением с милым сердцу Кармелиным.

Но теперь было необходимо приспособливаться к новым условиям работы. И значит, более внимательно относиться к личности Ярослава Геннадьевича, чем раньше Аллочка, находясь под патронажем Никиты Андреевича, вполне могла пренебречь. «А есть ли у Кобрин возлюбленная на стороне?» – впервые задалась она вопросом. В том, что, например, Кармелин любовницы не имел, Алла могла поклясться на «Справочнике по работе с „Windows-98“». А Кобрин? Что было в заглазнике у него? Ярослава Геннадьевича Бог наградил сыном-подростком и чудовищно ревнивой женой. Алла как-то раз имела несчастье видиться с ней. А этот дивный, богатый оттенками голос, прозвучавший из телефонной трубки... Кому он принадлежит?

Ближе к вечеру Алла сделала звонок, который держала в мыслях весь день, но откладывала как что-то тягостное. Она хотела выразить соболезнование жене Никиты Андреевича, но все никак не решалась это сделать.

– Настасья? Здравствуйте, это Алла. Узнали?..

Черный «мерседес» Кобрин плутал по улицам города. Преодолев десятиминутную пробку на площади Героев войны, проехав пару километров по красно-розовому от цветущих роз проспекту Мира, автомобиль достиг Речного тупика. Размеры авто отражали амбициозность вице-президента «Пластэка», в то время как рост Ярослава Геннадьевича был обратно пропорционален его самомнению. Не дотянув и до ста семидесяти, Кобрин компенсировал недостающие ему для счастья сантиметры врожденной гигантоманией. Вот и роскошный автомобиль, припарковавшись в Речном тупике рядом с двумя утлыми «Тавриями», удивлял прохожих массивностью.

Однако поведение Ярослава Геннадьевича говорило о том, что сейчас ему хотелось бы быть как можно менее заметным. Он оглядывался по сторонам, нервно всматривался в лица встречающих обитателей тупика, дергался, торопился и в конце концов спешно скрылся в подъезде панельной пятиэтажки.

Девушка, словно прекрасный мираж возникающая в тенистом дворе через несколько минут после прибытия Кобрин, могла остаться незамеченной только в случае, если бы одновременно с ее появлением на соседний дом рухнула атомная бомба. Но так как бомба спокойно дремала

на военной базе где-то далеко от России, то вся компашка, гревшая кости на августовском солнце, встрепенулась и с ножом и с вилками набросилась на новое блюдо.

– Юбка-то, юбка! – шипела вслед яркой девице бабка. – Все видать-то!

– Иш-ш-шь вырядилась, бесстыдница! – гремучей змеей вторила другая.

– Размалевалась-то!

Подростки, чинившие на бордюре мопед, были более благосклонны к девушке в супер-короткой юбке.

– Нехилая мочалка! – вынесли они одобрителный вердикт.

Мнение публики мало волновало «нехилую мочалку» и бесстыдницу. Стройная блондинка в темных солнцезащитных очках спокойно перешагнула через запчасти мопеда, улыбнулась бабкам краешком алого рта и скрылась за дверью.

– Привет! – кивнула она встретившему ее в полупустой квартире Кобрину. – Отлично выглядишь. Классный галстучек.

Вице-президент «Пластэка» тоже с явным удовольствием оглядел подругу, но было понятно, что он хочет услышать от нее что-то более важное, нежели мнение о галстучке.

– Ну? – нетерпеливо спросил он.

– Все нормально, – сказала девушка. – Не волнуйся. Я действовала в соответствии с твоими инструкциями.

9

Заглянув утром в детскую комнату, Илья обнаружил близнецов сидящими на горшках. Оба с сосредоточенным видом держали на коленках по растрепанному журналу (Леша – «Компьютерный мир», Антоша – «Плейбой», который два месяца назад сильно разочаровал своей скромностью Валдаева и Здоровякина, жаждавших обнаженного безумства).

– Салют, мужики!

В качестве ответного приветствия Илья получил от потомства два полновесных горшка. Гири, эспандер и ледяная вода прогнали остатки сна, а Мария все еще валялась в кровати, сладко уткнувшись в подушку, и, видимо, совсем не собиралась просыпаться. «Опять сидела всю ночь», – понял Здоровякин, обнаружив на кухонном столе ноутбук. Через минуту он уже гремел кастрюлей – варил манную кашу.

Каждое утро, выполняя однообразные, но необходимые процедуры, Илья думал об одном и том же: нельзя оставлять детей на Машу. Это было лейтмотивом его ежедневных переживаний. Увлеченная работой, Мария не замечала ничего вокруг. С диким сожалением, после пятикратного напоминания со стороны Леша и Антоши, она отрывалась в обед от монитора, чтобы разогреть приготовленный Здоровякиным суп и накормить детей. Необходимость выводить близнецов на прогулку сначала навевала на Машу уныние, пока она не сообразила брать с собой блокнот и ручку и предаваться составлению компьютерных программ, сидя на краю песочницы. Предоставленная автономность радовала малышей, и хотя, отдавая дань природному темпераменту, они иногда исчезали из песочницы, но всегда тут же возвращались обратно. Наверное, понимали, что задумчивая мама и не заметит их отсутствия, а к полной и исключительной свободе еще не были морально готовы. Другие мамы трепетно выполняли материнский долг – с истошными воплями носились по двору за короедами, не давали им утонуть в луже, беспрестанно делали замечания, вытаскивали из-под колес автомобилей, спасали от злых собак. В глазах этих доблестных матерей Маша была равнодушным извергом, готовым бросить малюток на произвол судьбы.

– Вставай, работяга, – растолкал жену Илья. – Детей покормил. Ухожу на работу. На обед не приду.

– Да?.. – выдохнула теплая, сонная Маша и вытянула трубочкой губы для поцелуя. – Я тебя так люблю...

Из детской доносилось напряженное пыхтенье. Дети сперли из кухонного пенала две пачки печенья и теперь размачивали его соком. Из образовавшегося липкого материала они увлеченно ваяли на стене комнаты барельеф.

После похорон мужа Настасью носило по волнам отчаяния, как шхуну, сорвавшуюся с якоря. Якорем был Никита, теперь его не стало. Вино и транквилизаторы раскрасили мир мрачными нереальными красками. Настасья блуждала в фиолетовой мгле, кружилась в темно-лиловом водовороте, слепла от внезапных магниевых вспышек. Прорываясь сквозь розовую пелену в действительность, она понимала, что там ее ждут только слезы, и вновь погружалась в разноцветное забытье.

– Настя, Настя-а-а, – тормозил кто-то ее. – Из милиции пришли-и-и...

Что-то непонятное, огромное, тяжелое, как каренинский паровоз, надвигалось на нее.

– ...питан-тан-тан... ровякин-кин-кин... – отозвалось в голове шаманским бубном.

Настасья сжала виски пальцами.

– Я из уголовного розыска, – повторил Илья. – Капитан Здоровякин.

– Вы вполне соответствуете своей фамилии, – тихо сказал чей-то чужой, не Настасьин, голос. Она с трудом поймала капитана в фокус. В руке Настасья держала наполовину пустую

бутылку вина. Илья сверху вниз смотрел на женщину. Ее кружевной пеньюар позволял принимать в нем посетителей только с условием, что посетители слепы, как новорожденные котят, или, по крайней мере, гомосексуалисты. Так как Илья обладал стопроцентным зрением и здоровыми инстинктами, то видеть женщину слегка завернутой в кусок прозрачной тряпки было для него не совсем удобно. Не помогало успешному расследованию убийства.

Красота Настасьи была очевидна и несомненна, хотя временно пострадала от потоков слез. Несчастные серые глаза, распухшие губы... Илья неожиданно почувствовал, как тонкая острая игла жалости мягко вошла в его сердце. Ему захотелось тыльной стороной ладони вытереть слезы с влажных щек Настасьи и чмокнуть бедняжку в нос, как заплаканного ребенка. Вместо этого он забрал у нее бутылку и подтолкнул в сторону кресла.

Сам Илья осторожно опустился на диван и прислушался. Обычно, когда он проделывал подобный нехитрый приемчик, следом раздавался жуткий вопль и из-под Ильи с барахтаньем выползал, вращая глазами, котенок или щенок. Или, что хуже, извлекались на свет раздавленные очки, пульт от телевизора, икебана, торт, пятачки с вышиванием, букет роз, труп любимого попугая... Здоровякин всегда подозревал, что свидетели долго и упорно готовились к встрече с ним, собирая пожитки именно в то место, куда обычно сажали гостей.

Но сейчас обошлось.

– Мне нужно переодеться, – сказала Настасья.

Поднявшись, она пошатнулась и едва не рухнула обратно. Падение в мягкое кресло вряд ли причинило бы вред Настасье, но реакция Здоровякина оказалась молниеносной: доля секунды – и он держал в богатырских объятиях зареванную красавицу. Человек прямой, чистый, неиспорченный, Илья вовсе не собирался воспользоваться ситуацией и пошленько поприжиматься к едва одетой женщине. Он отреагировал автоматически. Но едва капитан ощутил у груди слабое тепло Настасьиного тела, почувствовал тонкий аромат ее светлых волос, сердце Здоровякина ухнуло, судорожно дернулось и бешено заколотилось, словно озверевший хронометр.

Настасья мягко высвободилась из железного обруча, странно посмотрела на Илью и покинула комнату. Ее уже совсем не шатало, ее походка показалась Здоровякину божественно-невесомой.

Через семь минут в зале появилась не Настасья, а грузная дама с подносом. Наряд, маникюр и прическа ввели Здоровякина в заблуждение: домработницы, полагал он, обычно экипируются более скромно. Но все же разодетая мадам была домработницей Кармелиных.

– Вот, подкрепитесь, – предложила она. – Хозяйка распорядилась накормить вас завтраком. Раз притопали в такую рань. Ни свет ни заря. Экий вы громила.

Валентина Генриховна и сама была не маленьких размеров, но квадратный Илья вызвал у нее восхищение. А у Ильи вызвала восхищение перспектива дополнительной незапланированной трапезы. Он, конечно, перехватил утром полбатона с маслом, но каким надо быть кретином, чтобы отказаться от бесплатных бутербродов с черной икрой и саями и крепкого, чудесно пахнущего кофе!

Настасья неслышно возникла в комнате одновременно с исчезновением последнего куса колбасы с тарелки. Теперь на женщине было надето легкое длинное платье, абсолютно непрозрачное, темный цвет которого оттенял трагическое выражение ее лица. Илья удивился, как ловко за каких-то ничтожных пятьдесят минут отсутствия Настасьи удалось привести себя в порядок. Красных пятен от слез словно не бывало.

– Извините, что застали меня неодетой, – смущенно сказала Настасья.

Илья собрался было объяснить, что он видел женщин и не в таком виде и что между девушкой с перерезанным горлом и живой неодетой Настасьей он однозначно предпочтет Настасью, но передумал.

– Спасибо, – кивнул он в сторону опустошенных тарелок. – Настоящий кофе я люблю. А черную икру последний раз ел в прошлой жизни.

– А кем же вы были в прошлой жизни? – грустно улыбнулась Настасья. Бесхитрость капитана ее тронула.

– Наверное, камбалой.

– Камбалой?! – изумилась Настасья. – Почему камбалой?

– Ну как? Шнырял по морскому дну, выискивал черную икру и жрал ее. Так я себе это представляю.

– А разве икра лежит на морском дне?

– Конечно. В таких маленьких черно-синих баночках.

– Знаете, я почему-то думала, что со мной будет беседовать Александр. Фамилию я уже не помню. С голубыми глазами.

– Валдаев.

– Да. Он ваш коллега?

– Точно. Мы работаем вместе. А вы имеете что-то против моей кандидатуры?

– Да нет же! Я просто так спросила. А как вас зовут, капитан Здоровякин?

– Илья.

– Тогда партийная кличка у вас обязательно должна быть «Муромец». Учитывая ваши потрясающие габариты.

– Не угадали. У меня нет клички. Ну-с, давайте приступим к делу, Настасья Сергеевна...

Короткая разминка закончилась, Здоровякин взял в руки блокнот. В основной части концерта он совсем не был так беззаботен и игрив, как в прелюдии. Легкое стаккато сменилось тяжелыми ударами басов. Илья задавал сотни вопросов, выяснял, детализировал, уточнял, изводил Настасью бесконечными повторениями, отклонялся, по ее мнению, от темы. Кажется, его волновало все: взаимоотношения Никиты Кармелина с матерью и сотрудниками «Пластэка», распорядок дня, привычки, увлечения Никиты, прибыльность компании, личность итальянца Маурицио Бартолли...

– ...и вы вернулись домой сразу после окончания семинара?

– О боже, Илья! Вы спрашиваете об этом уже в сотый раз! – раздраженно воскликнула Настасья.

Она устала отвечать на вопросы.

– Маргарита Дорогина, ваша телохранительница... Она давно у вас работает?

– Где-то пять месяцев. Мы наняли ее в марте.

– В том была жизненная необходимость?

– Да. Я уволила одну сотрудницу, и она стала названивать мне по телефону, посылать письма с угрозами. Я решила подстраховаться.

– А почему не обратились в милицию?

– Не смешите меня! – дернула плечом Настасья. – Сколько у вас нераскрытых убийств, грабежей. Кто будет заниматься нереализованными угрозами моей бывшей сотрудницы? Ну звонила она мне, обещала зарезать, облить кислотой, ну прислала несколько писем, написанных печатными буквами. На этом все кончилось.

– Понятно. А почему вы наняли Маргариту, а не крепкого парня?

– Не знаю, Илья, как это может относиться к делу об убийстве моего мужа, но, раз вам так интересно, я отвечу. Во-первых, мужчина в качестве постоянного сопровождающего меня бы сковывал. Во-вторых, Никита достаточно ревнив, чтобы позволить жене иметь подобный мускулистый эскорт. Вернее, был ревнив, – горько вздохнула Настасья.

– Как я понял, ваша сотрудница ограничилась одними угрозами. Потрепала вам нервы и успокоилась. И Маргарите, к счастью, не пришлось демонстрировать навыки рукопашного боя?

– Нет, не пришлось. Хотя она с удовольствием помахала бы руками и ногами. Все, что связано с риском для жизни, находит в ее душе живой отклик.

– Если угроза вашей жизни миновала, почему вы не уволили Маргариту?

– Да. Она уже ищет себе новое место.

– Вы вполне ей доверяете?

– Рите? Конечно! Знаете, она фантастическая личность. Сильная и незаурядная.

– В чем это проявляется?

– Во всем. А почему Маргарита так вас интересует?

– Э... – Илья едва не ляпнул, что телохранительница интересуется вовсе не его, а гражданина Валдаева. – Я должен составить представление о людях, окружавших Никиту Андреевича. Думаю, за пять месяцев совместной жизни Дорогина стала почти членом вашей семьи.

– Можно так сказать.

– Поэтому я и спрашиваю. Значит, как я понял, ваша телохранительница любит нештатные ситуации?

– Обожают.

– Хотя это противоречит ее статусу телохранителя. Она ведь должна быть эталоном осмотрительности и осторожности.

– Когда дело касается нашей Маргариты, об осторожности можно забыть. Например, видели бы вы, как она гоняет на мотоцикле, который ей подарил Никита...

– Не слишком ли дорогой подарок?

Настасья вздохнула. Чрезвычайно утомительно разговаривать с человеком, который любое слово в ответном предложении использует как повод для нового вопроса.

– Маргарита, знаете ли, спасла Никите жизнь. Он едва не утонул, Маргарита вытащила его из воды.

– А... Понятно...

– Еще она стреляет из всевозможного оружия, прыгает с парашютом...

– Просто какая-то супердевочка ваша Маргарита! – потрясенно заметил Здоровякин.

– Точно. Если вы женаты, то не вздумайте с ней знакомиться. Она сведет вас с ума, заставит прокатиться на горном велосипеде или предложит поучаствовать в гонках на выживание. Совершенно ненормальная девица, напроць лишенная инстинкта самосохранения.

– Настасья, мы с вами заболтались. Я...

– Какова наглость! Мы заболтались! – улыбнулась Настасья. – Замучили меня своими бесконечными «что, как и почему», а получается, это всего пустая болтовня?

– У меня остался еще один вопрос. Он возможно, бестактен, неприятен, но я должен его задать.

– Какое пугающее вступление. Я вас слушаю.

– Настасья, муж был верен вам?

Тревога и боль, отразившиеся на лице собеседницы, говорили о том, что последние дни подобный вопрос преследовал ее.

– Думаю, что да, – неуверенно ответила Настасья. – Он так сильно меня любил...

Серые глаза Настасьи наполнились слезами. Она смотрела на Илью, словно раненая птица, упрямая не добивать ее, но Илье нужно было идти дальше, шагать твердой поступью по бранному полю, невзирая на стоны умирающих.

– Четырнадцатого августа к воротам вашего дома подошла девушка в парике под блондинку, в розовой мини юбке и красной фуфайке или кофте. Никита Андреевич ей открыл. Девушка пробыла в доме час, и именно в тот час ваш муж был отравлен ядом, подсыпанным в бокал с шампанским. Кто эта девушка?

– Я ничего не знаю, – прошептала Настасья. Она определенно собиралась всплакнуть. – Илья, все это кажется мне кошмарным сном. Мой Никита, такой близкий, родной, любимый...

Я считала, у нас нет тайн друг от друга. Да, наверное, все обманутые жены так считают, – горько усмехнулась Настасья. – Я не смогу вам объяснить, кто эта девушка, какие отношения связывали ее с моим мужем и какие претензии были у нее к Никите. Но если она решилась на убийство, можно предположить, их знакомство было не сиюминутным, да, Илья? Значит, она испытывала к моему мужу достаточно сильные чувства – любовь или ненависть. А я, оказывается, совершенно ничего не знала о Никите. Он ни разу ни словом, ни жестом не дал мне повода усомниться в его любви ко мне. Нет, не могу поверить...

Настасья закрыла лицо руками. Илья шумно вздохнул. Он сочувствовал.

– А почему вы до сих пор не нашли фальшивую блондинку? – подняла голову Настасья. Видимо, она передумала плакать. – Вы же уверены, что убила она?

– Ищем, – раздраженно махнул рукой Здоровякин. – Имеем в активе прелестный портретик: «волосы белые», «губы красные», «очки темные». Изумительный набор особых примет, главное, очень помогает в поисках.

Они с Валдаевым действительно все дни, прошедшие после гибели Кармелина, усердно искали подозреваемую, перелопатили картотеку, изнасиловали компьютер, опросили кого могли – безрезультатно. Валдаев несколько раз схлопотал сумочкой по морде в процессе отлавливания похожих на искомую блондинку девиц. Получалось, город просто наводнен блондинкам и в солнцезащитных очках с яркими губами, а горячий Сашок не церемонился, с разбегу бросался на подозреваемых.

– Пойдите, а может, блондинку к Никите подослали? Конкуренты? – Настасья взяла с тумбочки портрет мужа. Она пристально всматривалась в родное лицо, словно пытаясь отыскать в нем черты незнакомого ей человека. – А... Все равно, даже если девица была заказным киллером, нравственная сторона дела для меня не меняется. Он ведь посмел пригласить эту мерзавку в нашу спальню! Принимал ее с шампанским, негодяй!

Настасья в сердцах швырнула портрет на диван и закрыла глаза рукой. Неожиданная вспышка ярости удивила сыщика. Настасья казалась ему нежным ангелом, кротким, измученным и наглотавшимся антидепрессантов.

– А вдруг это вообще был переодетый мужчина? – осторожно предположил Илья. Он боялся, что вслед за эмоциональным взрывом последует истерика. Истерики он не хотел.

– Илья! – укоризненно попросила Настасья. – Перестаньте! Мне трудно осознать, что у моего мужа была любовница. А вы, не дав мне опомниться, полагаете, что мой муж вообще имел друга, голубого, как июньское небо? Только не это! Ладно, согласна признать любовницу, о которой я не подозревала, хотя мне очень больно. Но не мужчину!

– Да я просто так... Предположил. Не волнуйтесь, Настасья, мы имеем стопроцентную девицу. Есть свидетельские показания о ее «фантастических ногах» и «бесподобной груди».

– Вы гениально умеете успокаивать, Илья. Теперь я буду утешаться тем, что у мужа была любовница с фантастическими ногами и бесподобной грудью, – усмехнулась Настасья.

– Нет, ну я, то есть... Короче, мне пора.

Здоровякин решительно встал. Настасья тоже поднялась. Она едва доходила внушительному капитану до плеча.

– Знаете, – сказала она, протягивая ему руку, – хоть вы и из милиции, все же мне было приятно с вами беседовать. Вы даже умудрились меня рассмешить. В начале беседы. Камбалой.

Илья аккуратно сдвинул в ладони Настасьины тонкие пальчики, мучительно решая для себя вопрос, необходимо ли целовать светской даме ручку, и не будет ли он в глазах Настасьи выглядеть неповоротливым мужланом, если этого не сделает или сделает, но как-то неправильно... Пока Илья размышлял, мягкая и шелковистая Настасьина рука все еще оставалась в его ладони.

– Так я еще зайду? Или вы к нам, в управление. Знаете, на Петербургской площади?

– Лучше вы. Со своими нескончаемыми вопросами. Приходите в следующий раз к обеду. Моя домработница замечательно готовит.

– Я понял.

– По бутербродам с икрой?

– Ага.

Настасья смотрела на Илью и думала о том, что ее боль немного отодвинулась в сторону. Притупила ли ее злость, вызванная безапелляционной констатацией факта, что у Никиты была любовница? Или присутствие громадного капитана разбавляло терпкую горечь утраты?

Илья думал о том, что ему не хочется уходить.

10

Режиссер и продюсер Тимур Назаров к тридцати годам заработал известность и любовь публики. Режиссеры, снимающие высокохудожественное кино, отзывались о нем с легким презрением, полностью отказывая Тимуру в таланте и объясняя все его экранные успехи единственно природной везучестью и умением чувствовать конъюнктуру.

Назаров плевал на критиков с высокой колокольни. Его производительность была сравнима лишь с плодовитостью бразильцев – передовиков мировой телесериальной индустрии. Его фильмы представляли собой качественную продукцию своего жанра. Если в кадре проливалась кровь, то не потоками и не цвета вишневого варенья, если актеры изображали любовь, то в их глазах сияло истинное чувство, а не жалкое подобие. Реквизит не напоминал о кружке школьной самодеятельности, костюмы заказывались у известных мастеров. Погони и перестрелки ставились знаменитыми каскадерами. И так далее и тому подобное, то есть сериалы Назарова имели все признаки дорогого коммерческого кино.

Очередной шедевр Тимур уехал снимать в провинцию. Областной центр с современной архитектурой и чудесными пейзажами распахнул гостеприимные объятия. Один съемочный день обошелся здесь намного дешевле съемок в столице, а удобных площадок для кинопроизводства и поводов для вдохновения было достаточно. Розовощекие туземные девушки очаровывали красотой и каким-то несовременно здоровым видом.

Со старой колокольни открывалась изумительная панорама города. Салатно-зеленые холмы смеялись березовыми рощами, блестела на солнце геометрически плоская гладь реки, вдали темнел лес. Спальные районы города утопали в сочной и буйной растительности, разноцветные многоэтажки высились вдоль аккуратно расчерченных дорог, словно одинаковые костяшки домино. Промышленная часть, оттесненная к юго-западу, будто бы стыдилась своих многочисленных труб, уткнувшихся в синее небо, и старалась не портить ландшафт дымовыми извержениями.

Польщенные визитом знаменитости, городские власти предоставили Назарову режим наибольшего благоприятствования. Горожане с восторгом восприняли идею съемок в их городе нового сериала и рьяно участвовали в массовке. В агентстве «Бастион» Тимур по рекомендации местного клуба каскадеров нашел некую Маргариту Дорогину. За чисто символическую плату она согласилась проделать все необходимые по сценарию трюки, дублируя главную героиню. После нескольких отснятых эпизодов Тимур, во-первых, осознал, что он натуральная свинья, раз платит копейки такой бесподобной девушке, во-вторых, понял, что бесподобная девушка сама готова была заплатить, лишь бы получить карт-бланш на то безумство, которое она вытворяла в кадре...

– Ученые считают, что у некоторых людей в ДНК присутствует ген острых ощущений, – сказал один из операторов, украдкой засовывая под язык валидол.

Все смотрели вверх, затаив дыхание. Далеко вверху Маргарита, затянутая в черный комбинезон, болталась сосиской на краю полуразрушенного балкона. Ей мешала тяжелая амуниция за спиной – и Шварценеггеру бы мало не показалось. Реквизитор, видимо, повесил на девушку все имеющееся в наличии оружие. Спасибо, хоть подводной мины у него не нашлось.

– Совершенно отчаянная девчонка, – выдохнула ассистентка режиссера. – А если она сорвется?

– Не каркай, Оля! – зашипели на ассистентку.

Правила техники безопасности соблюдались на съемочной площадке не всегда. И сейчас Маргарита выполняла трюк без страховки.

– Несчастные родители. Иметь дочь-сорванца!

– Ее отец – полковник, воюет в горячей точке. А мама умерла два года назад.

– Все ясно. Дочурка пошла в отца. И вместе они уработали бедную мать. Довели, наверное, женщину до сердечного приступа.

Маргарита подтянулась на руках, закинула ногу и ловко залезла на бетонную плиту балкона, вернее, остатков балкона. Огромное краснокирпичное здание старого завода предназначалось под снос. На его месте крупная финансовая компания собиралась возвести шикарный зеркальный небоскреб и разбить парк с фонтанами. А пока Тимур Назарову позволили использовать пустое полуразвалившееся строение для съемок.

– Снято! – закричал Тимур. – Перерыв двадцать минут. Потом делаем сцену со взрывом, и на сегодня все свободны. Оля, принеси минералки!

Как шмель подлетает к самому красивому цветку, так и Саша Валдаев автоматически вычленил из общего фона съемочной площадки самую фактурную девицу и подрулил к ней. Она показалась ему знакомой. Яркая брюнетка полулежала в шезлонге и неторопливо приканчивала банку пепси.

– Здравствуйте. Капитан Валдаев. Уголовный розыск, – представился Саша, нагло разглядывая девушку.

– Я ни в чем не виновата и буду хранить молчание, пока не приедет из Москвы мой адвокат, – предупредила брюнетка. Она тоже впилась глазами в светловолосого херувимчика.

– Отлично. Только скажите мне, где найти Маргариту Дорогину? Она у вас тут подвизается каскадером.

– Ах, Риту? Она наверху. Вон там, видите?

– Что она там делает?

– Как что? Изображает меня.

– Вы актриса, а Дорогина подменяет вас в рискованных сценах? – понял Александр. – Вот почему мне знакомо ваше лицо!

«Вернее, грудь!» – мысленно добавил Валдаев. Мгновенно в памяти возникло имя – Вероника Саломина, а также и фотографии из американского «Плейбоя». Красота молодой русской актрисы была признана и за океаном.

– Вы Вероника! – обрадованно воскликнул Саша. Девушка томно улыбнулась. «В двадцать три уже всеми узнаваемая звезда!» – удовлетворенно подумала она.

Вероника играла в фильме роль майора милиции. Крутая сыщица ловко расправлялась с мафией. Вряд ли когда-нибудь в истории советско-российской милиции в ее рядах встречались майоры с подобным лицом, бюстом, ногами, и вряд ли когда-нибудь существовал человек, менее приспособленный для сражения с организованной преступностью, чем Вероника. Если ей доверяли подержать перед камерой разряженный пистолет, у всей съемочной группы оставалось дыхание: красавица актриса обладала уникальной способностью травмироваться всем, что попадалось под руку. Ясно, что противников через бедро швыряла Маргарита, бегала по бездорожью в полном боевом снаряжении и падала из окон она же, а Веронике доставались крупные планы и роскошные эротические сцены.

– А вы не знаете, когда Рита спустится вниз? Мне нужно с ней поговорить.

– Она что-то натворила? Конечно, с ее-то экстремальными наклонностями. Она из той породы людей, которые прыгают вниз головой в пропасть, обмотав лодыжку резиновой лентой. И получают от этого удовольствие...

– Так когда она...

– Думаю, сейчас она спускаться не будет. Зачем? Высоковато, согласитесь. А перерыв всего двадцать минут. Потом опять лезть наверх по дырявой лестнице. Лифт, заметьте, отсутствует.

Саша посмотрел в сторону заводского корпуса, красной стеной нависавшего над съемочной площадкой. В проемах пустых окон гулял ветер. Недолго думая, капитан бросился к зданию. Он решил быстро слетать наверх и выяснить планы Маргариты на остаток дня.

– Эй, постойте, молодой человек, как вас там, Валдаев! – крикнула вдогонку Вероника. – Туда нельзя! Вот ненормальный, куда вдруг помчался?

Вероника пожала плечами, опустилась обратно в шезлонг и достала из сумки-холодильника новую банку пепси.

По сценарию героиня фильма приезжала на брошенный завод, чтобы встретиться с информатором Там бодрого майора ждала засада. В духе американских боевиков героиня битых полчаса экранного времени металась по территории завода, среди станков и груд металлолома, удирая от погони. И в конце концов выходила сухой из воды...

Тимур и Маргарита общались по рации. Маргарита наверху выслушивала указания режиссера, одновременно прикидывая маршрут. Стену заводского корпуса опоясывала узкая наклонная лестница с хлипкими перилами, рассекая краснокирпичный фон черной биссектрисой. Маргарита должна была пробежать несколько пролетов, а потом за ее спиной раздавался взрыв. Тут необходимо было удержаться на лестнице и не свалиться за перила, когда посыплются обломки кирпичей, вырванные из стены. Ничего серьезного, клялся Тимур. Опасность минимальна, взрыв будет эффектный, но, скорее, бутафорский, чем настоящий. Потом с помощью монтажа сцена обретет динамичность, возникнет иллюзия смертельной опасности, преодолеваемой героиней фильма. На уровень этажей, между которыми собиралась бегать Маргарита, подтягивали на операторском кране вторую камеру. Первая камера вела съемки снизу. Еще один оператор работал на крыше.

– Ну что, Марго, начнем? – прозвучал из динамика рации чарующий баритон Тимура.

Режиссер знал, что девушка начинает злиться, едва услышав сокращенный вариант своего имени таким незамысловатым образом он пытался стимулировать Маргариту, чтобы, рассерженная она хорошо отработала трюк.

– Начинай бежать по моей команде. Внимание, все приготовились! Снимаем один-единственный дубль! Второго не будет!!!

Маргарита напряглась, рация начала обратный отсчет, далеко внизу треснула хлопущей ассистентка, объявляя номер кадра.

– ...два, один, беги!

Смелая каскадерка стремительно помчалась наверх, цепляясь за ненадежные перила и стараясь не попасть ногой в пространство между двумя железными ступеньками. Она удачно преодолела три пролета и внутренне напряглась в ожидании взрыва за спиной, но в этот момент произошло непредвиденное.

С радостным возгласом «Маргарита, стой!» из проема появился Александр Валдаев. С удивлением оглянувшись, девушка увидела одного из оперативников, с которым мимолетно познакомилась в безумный день убийства Никиты Кармелина. Парень прыгнул на лестницу и успел схватить за локоть удирающую свидетельницу. И тут прогремел взрыв.

Очевидно, пиротехник что-то перепутал. Вместо безобидного бутафорского фейерверка прогремел самый настоящий взрыв. Здание конвульсивно вздрогнуло, и целый пролет черной лестницы выворотило из стены. Остаток железной конструкции, на которой находились сейчас Валдаев и Маргарита, обрушился под их тяжестью и перешел из наклонного в вертикальное положение. Валдаев скатился вниз, прошептав белыми губами то ли «Ой, мама!», то ли другое выражение, но тоже с упоминанием матери. Он не успел схватиться за ступеньки, и его поджидала неласковая встреча с землей после нескольких секунд свободного падения, но в последний миг он был остановлен.

Реакция Маргариты оказалась лучше, или просто в момент взрыва она находилась на лестнице выше капитана, но она умудрилась вцепиться мертвой хваткой в железные перила,

повиснув на согнутом локте. За кисть левой руки держался неимоверно тяжелый оперативник и тянул вниз. Проем, из которого вышел на лестницу Александр, остался наверху, так же как и ряд окон. Слившаяся в паническом экстазе парочка болталась на фоне глухой стены. В полуметре слева от Саши виднелась какая-то дыра, и даже издевательски оборудованная удобным выступом, но она была в данный момент недостижима.

Минутное онемение на съемочной площадке сменилось душераздирающими воплями и суетой. Кто-то орал, что надо подтянуть к остаткам болтающейся лестницы стрелу операторского крана. Кто-то хотел натянуть тент. Кто-то предложил бежать наверх и скинуть веревку...

Маргарите показалось, что твердый прут перил сейчас перережет ей локоть, а кисть левой руки будет оторвана гранитным грузом. Капитан определенно весил как монументальный памятник Ленину, не меньше. Если бы не этот довесок, Маргарита давно бы уже карабкалась вверх по качающейся лестнице. Сейчас она с ужасом чувствовала, что ладонь онемела и рука ее невольного партнера по трюку соскальзывает. Или Александр сам решил отпустить свою временную спасительницу, чтобы, улетаая вниз, не тащить за собой девчонку?

– Ты что!!! – закричала Маргарита, чувствуя, что теряет груз. – Держись, придурок! Держись за ногу!

Александр, уже мысленно простившийся с жизнью, передумал падать и осторожно переключился на щиколотку девушки. Маргарита тут же сцепила руки в замок и нехотая подумала о том, что сейчас они выглядят как безмен и гирия...

– Давай раскачивайся, – хрипло приказала она гире.

По доносившимся с земли крикам было ясно, что публика остановила выбор на тенте, но его никак не удастся найти.

После двух колебаний маятника, состоящего из человеческих тел, капитану удалось в крайне амплитуды ухватиться за выступ в стене. Он расстался с лодыжкой Маргариты, подтянулся и залез в дыру. Тут, наверное, раньше был установлен огромный вентилятор или другой агрегат. Через секунду туда же с криком «Лови меня!» влетела отчаянная Маргарита – прямо в объятия Валдаева. У нее не оставалось сил в онемевших руках, чтобы карабкаться по лестнице. И она последовала примеру капитана.

Весь акробатический этюд занял не более трех минут. Каскадерам и зрителям показалось, что вечность. Саша, завладев избавительницей, видимо, не собирался с ней расставаться. Он крепко держал Маргариту, целовал ее в пыльную макушку и вздыхал, как слон. А девушку охватил приступ бешенства.

– Идиот! – заорала она, отталкивая от себя Александра. – Какого черта ты тут околачиваешься?! Здесь же съемки! Почти война!

Безмерная благодарность и счастье жизни, испытываемые в данный момент оперуполномоченным, теплой волной накрыли две соединенные объятием фигуры и растворили гнев Маргариты.

– Ладно, отпусти! Я с тобой и так наобнималась на всю оставшуюся жизнь. Чуть руку мне не оторвал! И ногу тоже. Сколько ты вешишь, мамонт?

Валдаев отличался вполне гармоничным телосложением: если и была у него пара лишних килограммов, то только в виде мускулов, а не жира. Но конечно, собираясь использовать в качестве спасательного троса тело хрупкой девушки, надо предварительно похудеть до веса осеннего кленового листика.

Внизу уже раскладывали костер, чтобы поджарить на медленном огне пиротехника. К моменту, когда Александр и Маргарита появились на съемочной площадке, все уже оправилось от шока. Везунчиков, избежавших смерти, встречали радостными возгласами и восхищенными улыбками.

– Он сотрудник уголовного розыска, – объясняла всем актриса Вероника, – хотел встретиться с Маргаритой. Я кричала ему, что туда нельзя, но он умчался как угорелый...

Валдаева хлопала по спине. Кто-то чистил его щеточкой, смахивая кирпичную пыль с плеч и ушей.

– Ну, парень, теперь ты в неоплатном долгу перед нашей Маргаритой.

– Ритуля, ты снова нас потрясла! Я думала – все сейчас ты разорвешься пополам!

– Посмотрите, какого красавчика спасла Маргаритка! Глазки, чубчик... Ну, Рита, теперь он принадлежит тебе. Если бы не ты, его бы сейчас уже не было.

Немного шальной от пережитого ужаса, Валдаев смотрел на девушку как преданный пес. Он явно бы не против поступить к ней в безраздельное пользование.

Тимур задумчиво рассматривал капитана. Очевидно, наглость режиссера и его увлеченность творчеством были беспредельны, так как, едва не угробив (из-за невыполнения элементарных норм безопасности) две человеческие жизни, он думал вовсе не о своей вине, а о фильме.

– Сильно! Грандиозно! – сказал он себе. – Ты все снял? – обратился он к оператору.

– Да.

– Где Олег? Позовите Олега!

Сценарист сериала тут же оказался рядом с Назаровым.

– Может, переписать несколько страниц? Введем новый персонаж. Жаль терять хорошую сцену. И парень подвернулся колоритный. Доснимем пару эпизодов.

Сценарист Олег оглядел Валдаева. И его воображение понеслось, как жеребец по утреннему лугу.

– Так-так-так... Та-а-ак... Наша неутомимая майорша Вероника поедет к заводу не на своем авто, а поймает частника. Значит, вот этого красавца. По дороге между ней и водителем возникнет симпатия. И парень увяжется следом за Вероникой. Так, можно поднапрячься и ввести эротическую сцену...

– Эротическую сцену? – задумался Назаров. – У нас их и так уже восемь! А моральный облик сотрудника правоохранительных органов?

– Нет, ты представь... Секс среди токарных станков! Я вижу это! В пыльных лучах солнца, проникающих сквозь отверстия под потолком... Нагромождения железа, трубы, ржавчина... И на фоне – два молодых, спонтанных любовника... Крупно – грудь Вероники в налете металлической стружки. Ну, потом появляются бандиты. Перестрелка. Беготня, прятки. Затем сцена с лестницей. И в заключение парня как-нибудь прикончим. Пусть он погибнет, спасая Веронику. Она только что спасла его на оторвавшейся лестнице, а он прикроет ее от пули...

Изобретательный сценарист и режиссер увлеченно занялись обсуждением деталей, нимало не заботясь о том, что их «колоритный красавчик», наплевав на карьеру кинозвезды и возможность позаниматься перед камерой сексом с Вероникой, смылся со съемочной площадки. Он увлек за собой Маргариту и предложил отметить в кафе их чудесное спасение, а заодно и обсудить убийство Кармелина.

– Мне надо принять душ, – сказала девушка Валдаеву, который, уняв дрожь в коленях, теперь пытался справиться с убийственным тремором рук. – Не знаю, сколько это займет времени.

– Я подожду, – покорно согласился Саша. Он сам с великим удовольствием нырнул бы сейчас под струю прохладной воды. – А нельзя мне с тобой, Маргарита?

– Сыта вашим обществом по горло, товарищ капитан.

Маргарита исчезла в передвижной костюмерной, снабженной биотуалетом и душевой кабиной. Через какое-то время она появилась свежая и чистая, в отличие от вспотевшего Валдаева. Мокрые темные волосы были собраны в тугий узел и блестели на солнце. Отсутствие косметики делало гладкое лицо совсем юным, хотя возраст Маргариты – двадцать пять лет – был известен Александру. Девушка сменила обтягивающий черный комбинезон с длинной застежкой-«молнией» на короткие бриджи и майку-топ. Теперь, когда ее руки оказались голыми,

стало видно, что на локтевом сгибе расплылось багрово-фиолетовое пятно. Капитан посмотрел на синяк с трепетным ужасом. Он понимал, что Маргарита удержала его там, наверху, ценой колоссального напряжения. И ей это удалось не благодаря огромной физической силе, наличие которой было трудно предположить в девушке весом в пятьдесят килограммов, а исключительно благодаря нечеловеческому усилию воли.

Валдаев не отрывал от Маргариты взгляда восхищенного, нежного и преданного.

11

Прямо в трехстах метрах от съемочной площадки, за кирпичным забором завода, притаилось маленькое кафе. В городе свирепствовала санэпидстанция, и постоянные проверки выдрессировали владельцев кафе и ресторанчиков – заведения сияли чистотой и практически соответствовали европейскому уровню. Вдыхая аромат кофе и разглядывая витрину с тортами, можно было подумать, что попал в крошечную пражскую кофейню.

Саша взял себе пива, Маргарита – банку «Спрайта». Если бы не служба, Александр с удовольствием приложился бы сейчас к чему-нибудь покрепче, у него до сих пор дрожали руки. Продавщица забегаловки посмотрела на клиента с легким удивлением: когда-то белоснежная рубашка явно побывала под копытами стада бизонов, на черных брюках, отлично отутюженных (тоже когда-то), виднелись пыльные пятна. Александр перехватил взгляд женщины и, поправив порванный галстук, игриво подмигнул ей.

А вот о Маргарите нельзя было сказать, что она только что пережила нервное потрясение. Только страшный синяк на руке напоминал о приключении. Состояние, в котором находилась девушка называлось не «легкий шок», а «эйфория». Ее зеленые глаза блестели, щеки пылали румянцем. Валдаев вспомнил слова секс-бомбы Вероники: Маргарита из той породы людей, которые прыгают в пропасть вниз головой и получают от этого кайф. Кажется, подобный кайф и кружил сейчас голову Маргарите.

– Как долго еще будут продолжаться съемки?

– К сожалению, не долго. А что?

– Надеюсь, ты выживешь. В цивилизованной стране давно бы прикрыли подобную лавочку. Я имею в виду наплевательское отношение продюсера к соблюдению техники безопасности.

– Тебе просто не надо было лезть наверх. Сам виноват, – пренебрежительным тоном ответила Маргарита.

– Хотел с тобой поговорить.

– Подождал бы внизу. Теперь эпизод придется переснимать.

– Не думаю, что тебя это огорчает.

– Напротив, радует. Мне нравится участвовать в съемках. – Маргарита смотрела на Александра почти враждебно. Нельзя было и подумать, что какое-то время назад она похолодела от ужаса, представив, что сейчас он добровольно отпустит ее руку и полетит вниз.

– Ты рискуешь жизнью. Совершенно неоправданно.

– Тебе-то какое дело?

Со стороны казалось, что препираются два давно знакомых человека, возможно муж и жена. Проверенное обаяние симпатяшки Валдаева почему-то не действовало на Маргариту. Она отвечала на его вопросы резким тоном. Недовольство девушки не было понятно Саше, он привык к более внимательному и лояльному отношению со стороны женского пола. Вроде бы он ничем не заслужил презрения Маргариты, в экстремальной ситуации вел себя вполне достойно, не вопил, не дергался... Если и мелькнул в его глазах страх, то вполне объяснимый и естественный.

– Возьмем кофе? – предложил капитан. Воздух в зале был охлажден зверем-кондиционером до арктической температуры. Посетители, собравшиеся выпить ледяной кока-колы, через некоторое время начинали думать о чем-нибудь горячем.

Маргарита равнодушно пожала голым плечиком:

– Давай. Вообще-то у меня сегодня еще есть дела. Снимаю свидетельские показания – так это называется у вас? – и я пойду, – холодно добавила она.

– Сейчас сниму.

«Я вызываю у нее отвращение», – подумал Саша, заказывая кофе и два слоеных пирожка. Вернувшись к столику, он приступил к делу:

– Четырнадцатого августа, в субботу, вы с Настасьей Карmeliной отправились в областную администрацию на семинар-практикум.

– Да.

– Ушли из дома в два часа дня, вернулись – около шести.

– Похоже на то.

– Такой длинный был семинар?

– Почему? Часа три. Плюс дорога в один конец минут двадцать – тридцать.

– Ясно. Я проверял. Вы с Настасьей действительно провели в обл администрации битых три часа.

– Если проверял, зачем спрашиваешь?

– Работа такая. Поедем дальше. Ты телохранитель, угу? В этом есть смысл? Настасье что-то угрожает?

– Последние месяцы меня практически низвели до уровня секретарши, – вздохнула Маргарита. – К моему дикому сожалению, Настасье ничто и никто не угрожает.

– Но ведь тебя наняли?

– Да, в марте. Настасья уволила продавщицу из своего магазина – некую Софью Аничук. Та стала названивать ей, присылать письма с угрозами. Я считаю, угрозы не были подкреплены желанием действительно причинить вред Настасье. Пустое сотрясение воздуха. Но Настя была сильно напугана. Первый месяц вообще не отпускала меня от себя.

– Угрозы прекратились?

– Да. Я разыскала обиженную Софью. Она устроилась троилась работать в супермаркет «Залесов и компания». Такая умница – даже письма для Настасьи писала на фирменной бумаге, мозгов не хватило взять обычную.

– Надеюсь, ты не расстреляла девицу из кольта?

– Не в моем вкусе – убивать людей.

– Да, – согласился Саша. – Как я понял, ты лучше кого-нибудь спасешь. Ах, Маргарита, если бы не ты, не хрустеть бы мне сейчас слоеным пирожком! Можно я тебя поцелую?

– Еще чего! – отпрянула Маргарита. – Разбежался!

Валдаев, весь в крошках и повидле, расстроено заморгал. Впервые, как порядочный, попросил санкцию на поцелуй (раньше никогда ни у кого не спрашивал разрешения) – и такой резкий отказ!

– Извини, если мое предложение тебя оскорбило. Я от чистого сердца, из благодарности.

Взглядом, которым девушка одарила собеседника, обычно смотрят санитары в психушке на своих подопечных.

– Ладно, проехали, – вздохнул Александр. – Значит, ты поговорила с Аничук, и она перестала заниматься терроризмом.

– Да. Хотя она, конечно, отрицала, что звонила и писала Настасье.

– Ну и закончим с ней. Тем более, что это вряд ли имеет отношение к убийству Кармелина. Просто не могу понять, почему телохранителя имела жена, а не муж. Скажи, у Никиты была любовница?

Маргарита опустила глаза.

– Значит, ответ положительный?

Маргарита кивнула:

– Была. Только Настасья об этом не знает.

– Кто она? Как долго длилась их связь с Кармелиным? Как она выглядит? – воодушевленно затараторил Александр. Его глаза загорелись, пульс явно участился.

– Не знаю, – осадила горячего коня Маргарита. – Ничего не знаю.

– Как же так! – воскликнул капитан, и было в громком возгласе что-то от крика подстреленной куропатки. Похожие интонации.

– Да так. Ты уж извини меня. Как я полагаю, именно любовница и отравила Никиту Андреевича. Про нее ведь ты спрашивал у Настасьи в ту субботу. Когда еще и Никиту... вернее, его тело не убрали из комнаты. Я думала, вы ее уже нашли.

– Маргарита! Выкладывай все и с подробностями.

– Да я видела эту девицу всего три раза. За последний месяц. Должно быть, именно месяц назад она и прилепилась к Никите Андреевичу. Блондинка. Наверное, симпатичная. Точнее сказать не могу. Фигура – стандарт «Пентхауза». Мечта всех мужчин. Видел сегодня нашу Веронику? Тот же тип.

– Она, – понял Саша. Он невольно переместил взгляд вниз, на грудь Маргариты, обтянутую тонким трикотажем топа. По мнению Валдаева, Маргаритин бюст тоже соответствовал стандартам «Пентхауза» и был ничем не хуже Вероникиного. Или лучше?

– Куда ты смотришь?

– У тебя кофе кончился!

– Нет, не кончился, негодяй. Не пялся на меня! – почти крикнула Маргарита. Но потом все же улыбнулась. Очевидно, восхищение, мелькнувшее в глазах капитана, было слишком явным, чтобы не отреагировать на безмолвный комплимент.

– Значит, любовница, – подытожил Саша. – Возраст?

– От двадцати.

– Туманно, Маргарита. Скажи точнее!

– Да, я видела Никиту Андреевича с этой красоткой. Конечно, не в момент, когда они осваивали крутую позицию из «Камасутры», нет. Но чем они собирались заняться за минуту до моего появления в кабинете, можно представить. Настасья попросила меня заехать домой, взять пачку счетов и платежей, а потом отвезти их в «Пластэк». Рабочий день уже кончился, в конторе было пусто. Я постучала в кабинет Никиты Андреевича, постучала по косяку, так как дверь была полуоткрыта, потом заглянула. Навстречу мне бросился Никита Андреич, застегивая на ходу рубашку, девица, хихикнув, прыгнула со стола и повернулась спиной. Кармелин выскочил вслед за мной в приемную и был очень смущен. Я тоже была смущена, так как до сих пор полагала, что он без ума от Настасьи. У них была такая любовь – Ромео и Джульетта, Соломон и Суламифь. Я идеализировала их чувство. Все оказалось банально и трафаретно... Потом я случайно увидела, как Кармелин с любовницей заходили в ресторан «Картахена», где подают экзотические блюда южно-американской кухни. Никита Андреевич любил гастрономическую экзотику. Лица женщины опять же не разглядела, так как девица была в черных очках. И еще один раз – снова в офисе «Пластэка». Она ждала лифт, я прыгала по лестнице.

– И снова не разглядела лица? – с отчаянием спросил Александр.

– Она стояла ко мне спиной. Да и, честно говоря, когда женщина так одета, на лицо не очень-то смотрят. Мужчины, наверное, вообще теряют сознание. От одной ее юбочки мог хватить инфаркт. Хотя должна признать, природные данные позволяли ей выставить себя напоказ. Придаться было не к чему. Безупречные формы.

– А что Кармелин?

– Наверное, совсем потерял голову. Я сказала ему, что он ставит меня в двусмысленное положение. Я не могу закладывать его, но мне не по силам разыгрывать перед Настасьей спектакли неведения. Никита Андреевич с милой улыбкой посоветовал мне меньше думать на эту тему. Сказал: «Я не прошу меня защищать, но если есть возможность промолчать, промолчи». И я задумалась о том, что пора мне искать другую работу.

– Тем более, в последнее время телохранитель нужен был Настасье, как лыжи носорогу.

– Ясно. Значит, опознать неуловимую красотку не сможешь?

– Вряд ли будешь полезна.

– Жаль.

– Могу только сказать, что она наверняка не блондинка, так как на ней был парик. Слушай, у тебя такой вид...

– Какой? – Саша оглядел себя критически. – М-да, немного помялся...

– Скорее, немного полежал в мусорном контейнере. Часика два-три.

– Неужели все так плохо? – изумился Саша. – Да, действительно... А мне сейчас нужно в родную контору. Ну ничего. Главное – жив остался.

– Ты на машине?

– Нет, на общественном транспорте.

– Кошмар. Представляю лица пассажиров. Хочешь, я тебя подвезу?

Глаза капитана вспыхнули голубым огнем: во-первых, ему и впрямь не хотелось шокировать публику своим внешним видом, во-вторых, лед тронулся – Маргарита проявила сочувствие, сменила гнев на милость.

– Конечно! – радостно воскликнул Валдаев. Бедный, он и не представлял, на что соглашается!

За рабочим столом Ильи Здоровякина сидела искомая блондинка. Платиновый парик каре с пышной челкой, неуместные в помещении солнцезащитные очки и алые губы. Девушка задумчиво постукивала авторучкой и листала ежедневник Здоровякина. Когда в кабинет вошел, держась за сердце, пыльный, потный, мятый Валдаев, она удивленно повернула к нему голову.

– А-а-а!!! – заорал Валдаев. Судорожно хватая ртом воздух, он дополз до стула и свалился на него.

В плечах у девушки была косая сажень.

– Что с тобой? – спросила она голосом Здоровякина. – Ты где пропадаешь? Битый час тебя жду. Котик.

Илья сложил накрашенные губы бантиком, чмокнул воздух в направлении Валдаева.

– Видочек у тебя, однако! – Илья снял темные очки и удивленно посмотрел на друга. – Попал в перестрелку?

– Хуже! Встречался с Маргаритой. А у тебя что за вид?

– Начальство задолбало. Зуфаралимыч с утра привязался как банный лист – почему до сих пор не нашли девицу в парике. Обозвал меня «красой земноводных». Я и решил ему доказать, что эту замаскированную девицу мы будем искать до девярых президентских выборов. Слушай, а роль-то затягивает! Молодой человек, вы свободны сегодня вечером? – пропищал Здоровякин фальцетом, игриво стреляя глазами в Александра. Он отодвинулся от стола и закинул ногу на ногу, выставляя напоказ потрепанную кроссовку гигантского размера. – Дай я тебя поцелую, мой белокрысы красавчик!

– Пошел ты! – закричал Валдаев, отбиваясь от огромных лап Ильи. – Ну и денек! Два раза едва не погиб, и в конце концов попадаю в объятия ненормального трансовестита!

– Попрошу не выражаться. – Илья стер губную помаду и снял парик. – Рассказывай.

Валдаев вкратце описал свои приключения. Первым эпизодом сегодняшней эпопеи был головокружительный трюк с лестницей. А второй раз реальная угроза его жизни возникла, когда он согласился воспользоваться транспортом Маргариты. Александр и не представлял, что ему будет предложено заднее сиденье мотоцикла. Стиль вождения, избранный Маргаритой, можно было охарактеризовать как «буйный слалом». Так как пассажир не являлся клиентом, чью жизнь необходимо было охранять, а кроме того, имел в кармане ксиву сотрудника уголовного розыска, способную оградить от возможных претензий гибэдэдэшников, девушка дала волю своему темпераменту. Темно-вишневая «хонда» мчалась по улицам города в сторону Петербургской площади, рыча и подвывая. На красном светофоре Маргарита тормозила

чуть ли не с разворотом, а обгоняла она так, что едва не обдирала колени о дверцы и колеса обгоняемых автомобилей. В общем, малышка вволю порезвилась и, ураганом ворвавшись на Петербургскую площадь, сбросила бездыханное тело Валдаева около Управления внутренних дел... Подползая к кабинету с мечтой о таблетке нитроглицерина, Саша поклялся, что никогда больше не сядет на мотоцикл сзади Маргариты...

– А я познакомился с Настасьей, – сказал Здоровякин. По меланхоличности тона можно было догадаться, что ему достался более спокойный и менее опасный для жизни экземпляр. – Она красива.

– Красива... – рассеянно отозвался Валдаев. Он ковырял разогнутой скрепкой в дыре галстука, засовывая внутрь ниточки и пытаясь восстановить элегантность. У него ничего не получалось. Ниточки топорщились и не желали прятаться. – А Маргарита рассказала мне, что видела несколько раз Кармелина с его сногшибательной подружкой.

– Значит, блондинка не мираж! – воодушевленно воскликнул Илья. – Была любовница! Была!

– Да.

– Ну слава богу. А то у меня уже складывалось впечатление, что мы ищем призрак.

– И у меня.

– Какие призраки? – появился в дверях начальник Зуфар Алимович. Его зеленоватые глаза грозно блеснули. – Вы работаете или бьете баклуши, лодыри?

– Никого мы не бьем, Зуфар Алимович, – поклялся Валдаев.

– С матерью Кармелина встретились? Поговорили?

– Да мы никак не можем ее поймать.

– Как не можете поймать! Вы кто, опера или бесплатное приложение к презервативу? – возмутился майор. – Она что, в розыске? Или гастроли в Америке дает? Сидит, наверное, дома в трауре, пьет сердечные капли.

– Зуфар Алимович, Кармелина – топ-менеджер «Пластэка», в смысле управляющий верхнего начальства.

– Сынок пристроил мамулю, чтобы старушка не скучала на пенсии. А она, наверное, вошла во вкус. Руководит. Неуловима, как голодный комар.

– Но на похоронах-то она была! – Здоровякин и Валдаев посмотрели друг на друга.

– Да неудобно как-то было, горе у человека ведь... А тут еще мы с вопросами...

– Лучше скажите, что на похоронах Кармелина вас не было.

Парни одновременно вздохнули.

– Зуфаралимыч, вы не забывайте, Кармелин у нас не единственный, у нас еще дела есть, – напомнил Здоровякин.

– И тела, – кивнул Валдаев. – Окромя бизнесменского трупика.

– Вот сейчас зато собираемся поговорить с итальянцем, как его там, Маурицио Бартолли, – кстати вспомнил Илья. – Он представляет компанию «Лукас Милан», которая пыталась поглотить фирму Кармелина вместе со всеми ее рынками сбыта.

– А Кармелин, истинный патриот, бурно этому сопротивлялся...

– И наверняка итальянский язык выучили к случаю? Переводчика-то пригласили, вы, умники?

– Я забыл, – признался Здоровякин. – Но возможно, этот итальяшка понимает по-русски?

– Э-эх ты! Кладбище непрожеванных пельменей.

– Сейчас узнаешь, понимает или нет. Только губную помаду сотри с шеи. А ты, Александр, что, прямо из-под бомбежки?

– Да нет.

– Ладно, трудитесь, оболтусы.

Вдохновив подчиненных на ратные подвиги, Зуфар исчез из виду. Вместо него через минуту в дверном проеме возник невысокий загорелый мужчина. Или на Апеннинском полуострове итальянец привык стойко переносить жару, или он понадеялся на кондиционер (кондиционер не работал), или его отношение к российским правоохранительным органам было настолько трепетным – мужчина был упакован в дорогой костюм-тройку оливкового цвета. Это вызвало искреннее сочувствие у добрых сыщиков: они тут же представили, насколько жарко сейчас итальянцу в броне плотной ткани.

– Буонджорно, синьоры! Я Маурицио Бартолли, – представился посетитель, протягивая влажную руку. Кабинет наполнился запахом одеколона.

– Догадались! – ответил Валдаев. – Вам тоже бунжорно! Говорите по-русски?

– Да нефиг делать! – обрадовал Маурицио и ослепительно улыбнулся, выставя напоказ перламутрово-белоснежную челюсть.

Саша и Илья переглянулись. Челюсть итальянца им почему-то не понравилась.

– Сколько ж он на себя вылил одеколона! – возмущался Здоровякин, размахивая «Юридическим вестником». Стойкий запах не желал выветриваться.

На отличном русском языке, богато приправленном итальянскими вкраплениями. Маурицио Бартолли ответил на все заданные ему вопросы. Si, в смысле да, он действительно был делегирован в Россию компанией «Лукас Милан», специализирующейся на производстве пластмассы. «Лукас Милан» мечтал видеть фирму «Пластэк» своим дочерним предприятием. Perché? Да потому, что слияние сулило и «Пластэку», и «Лукасу» невероятную выгоду, enorme vantaggio, огромные прибыли и прочие блага. Но presidente Кармелин стойко сопротивлялся иностранным инвестициям. Объяснить это можно только недостаточным умением Кармелина видеть перспективу. Или даже шовинизмом. Si, si, non meravigliatevi, не удивляйтесь! Но иначе объяснить упертость президента никак нельзя – слишком очевидны были преимущества сотрудничества с нашей компанией. Да, вице-президент «Пластэка» Кобрин всячески поддерживал mie proposte, мои предложения, надеюсь, он будет избран новым президентом фирмы. Нет, я никогда не видел Никиту Кармелина с любовницей. Он очень любил свою жену Настасью. Я был у них в гостях. Красивая женщина, прелестная. Bellissima! Бесподобно красивая. Хотя, по моему личному убеждению, к красивой жене всегда можно присовокупить еще более красивую возлюбленную. Не мешает. Но Кармелина я никогда не видел с любовницей. Хотя много раз приезжал сюда...

– И что ты думаешь? – спросил друга Здоровякин. – Мне итальянцы всегда представлялись иными: суматошными, бурно жестикулирующими, кудрявыми...

– ...Перепаханными кетчупом и обмотанными спагетти? Странно, Илюша! А как же Микеле Плачидо из «Спрута»? Не он ли стопроцентный итальянец? А в нем ведь ничего суматошного и кудрявого.

– Вообще-то да. Мавриций тоже нормальный мужик. Только очень вспотевший.

– Накинул бы пиджачок с жилетом, посмотрел бы я на тебя.

– И вентилятор, как назло, не пашет.

– И вперед мы не продвинулись ни на йоту.

– Думаешь, Кармелин дал маху, не бросившись с разбегу в страстные итальянские объятия «Лукаса»?

– Да, конечно! Верь больше загорелому иностранцу! Его послушать, так без их инвестиций у нас в стране все пойдет прахом – и морковь не уродится, и надои упадут. Кармелин, как я понял, крепко стоял на ногах. И зачем ему было делиться прибылью с итальянцами?

– Вице-президент Кобрин усматривал же в сотрудничестве с «Лукасом» выгоду для компании.

– Еще надо разобраться, что за тип этот Кобрин...

– Бартолли уверен, что у Кармелина не было подруги.

– А с чего он такой проницательный? Подумаешь, побывал разок в гостях. И сразу сделал вывод, что Кармелин безумно влюблен в жену.

– Вот и Маурицио заметил, что Настасья красива... – задумчиво сказал Илья.

– Ну, она не была страшной, даже когда сдавала экзамен по скоростному наполнению слезами трехлитровой банки. В день убийства. Но Маргарита... – Валдаев закатил глаза к потолку. – Маргарита не только красива, она совершенно бесподобна. Смелая, отважная, отчаянная... Почему она такая отчаянная? Совсем не ценит жизнь? Или просто ее жизнь наполняется красками только под влиянием острых ощущений? И она не видит смысла в пресном, ровном, монотонном существовании и готова рисковать собой и бросать вызов судьбе, лишь бы вновь ощутить, как вслед за страхом и дрожью тело наливается эйфорическим теплом. Нечто подобное я почувствовал сегодня. Сегодня она держала в руках мою жизнь и...

– И она такая несчастная, – перебил Здоровякин, совсем не вникая в разглагольствования Валдаева и следуя своим мыслям. – Заплаканная. Отобрал у нее бутылку вина. Ведь и спиться так недолго. Если глушить тоску вином. В лошадиных дозах. А у меня Машка.

– А что? – удивился Александр. – При чем здесь Машка?

– Да притом! – нервно и даже зло ответил Илья, отшвыривая от себя авторучку, которую вертел в пальцах. – Мне понравилась Настасья, понимаешь?

Нет, Валдаев ничего не понимал.

– И чего так нервничать? Мне каждый день по дороге на работу встречается от трех до десяти симпатичных девчонок. И все мне нравятся. И с некоторыми из них я устанавливаю контакт. А избранных приглашаю в гости. Послушать Генделя. Или Шнитке. Или Иру Салтыкову – в зависимости от пристрастий девушки.

– Но ты-то не женат.

– Верно.

– И мне никто не должен нравиться, кроме Машки.

– Тут ты глубоко заблуждаешься.

– А со мной теперь творится что-то невероятное! – с горечью признался Илья.

Валдаев заторможенно посмотрел в окно. Воробей на зеленой яблоневетке ничем не мог помочь – он только чирикнул, сочувствуя горю Александра: ведь его единственный и любимый друг, кажется, спятил.

– Слушай, Кузьмич, ты прости меня, но я сегодня столько всего пережил, – осторожно начал Саша. – Признаюсь, соображаю не очень хорошо...

– Ты что, влюбился?

– Нет! – гневно отверг Илья предположение друга.

– С первого взгляда?! – с ужасом выдохнул Валдаев.

– Какая ерунда!

– Е-мое! – схватился за голову Александр. – Ты точно влюбился!

– Нет! – упорствовал Илья. Мысль о том, что ему понравилась какая-то другая женщина, кроме Маши, уже казалась Здоровякину кошунственной. А Валдаев говорил о любви!

– Так, – сказал Саша. – Пока ничего не предпринимаем. Самочувствие-то как? А жить вообще пока можешь?

– Да отвяжись ты! Перестань надо мной смеяться!

– Разве я смеюсь! – воскликнул Саша. – Я переживаю! Это у меня влюбленности мелькают одна за другой, как вагоны электрички. Я легко и беззаботно окунаюсь в новую любовь, зная, что все женщины неповторимы и каждая может доставить удовольствие. Но у тебя ведь совершенно другие инстинкты. Тебя если заклинит, то основательно.

– Этого я и боюсь.

– Я сам боюсь.

– А Настасья-то как? Ты ей понравился? – вспомнил о другой стороне вопроса Валдаев.
– Болван! – врезал по столу Илья. Стакан на сейфе звякнул, Валдаев подпрыгнул. – О чем ты говоришь? Женщина только что похоронила мужа, кретин.

– Не кипятись. Просто так спросил, нельзя, что ли? Так понравился или нет? Объективно?

– Не знаю. Вроде бы улыбнулась мне на прощанье.

– Ну, брат... Твои шансы велики. Исторгнуть улыбку из убитой горем вдовы. Надо уметь. Горжусь.

– Отстань.

– Знаешь, а у меня с Маргаритой не совсем гладко получилось. Сначала мы едва не убились, изображая из себя каскадеров. Потом она довела меня ездой на мотоцикле. Теперь мне не дает покоя мысль, а что, если и сексом она предложит заниматься в гамаке, натянутом между верхних этажей шестнадцатиэтажек? Или в зоопарке, в клетке у львов? Или на надувной лодке в бассейне, где плавают пираньи? А, Здоровякин?

– А еще можно вставить в зад динамитную пашку, – внес рацпредложение хмурый Илья. – Очень острая любовь получится.

– Фу, как ты брутален! – обиделся Александр. – Какой-то у тебя прямо-таки американский юмор.

– Вы что, уже обсуждали возможность секса?

– Нет, я фантазирую. А как же без секса-то? Будет. Вопрос только в том, распространяются ли каскадерские наклонности Маргариты на сферу плотской любви. Если да – я пас.

– Слушай, Валдаев, у тебя одно на уме. Сколько я тебя знаю, ты не меняешься.

– Грязный похотливый жеребец, ты хочешь сказать? Нет, ты не прав, если так думаешь.

– Я так не думаю. Не пора ли нам заняться делом?

– Конечно, пора. Тут вот Зуфарик подкинул план действий. Необходимо установить наружное наблюдение за Ярославом Кобриным. Приступить с завтрашнего утра. Поручается кому? Илюше Здоровякину. Дерзай, мой малыш!

– Есть, товарищ капитан. Обедать пойдешь?

– Я сметаюсь домой переодеться.

– А... Да тебе, Саня, не мешало бы принять душ.

– Пахнет, что ли? – заволновался Валдаев.

– Ну, как сказать...

Илья убрал бумаги со стола и в одном из ящиков наткнулся на парик, взятый им напрокат в компьютерном отделе, где работало несколько милых девушек и где Валдаев в одно время основательно порезвился. Илья зачем-то подергал белую блестящую прядь, пробормотал негромко: «Странно как!» – и захлопнул ящик. В голове появилась какая-то смутная, неоформленная мысль. Но она тут же была поглощена потоком ассоциаций и воспоминаний – пушистый искусственный завиток парика напомнил о светлых волосах Настасьи, потом Илья вспомнил ее грустные серые глаза, потом...

– На ходу-то не спи! – крикнул вдогонку другу Валдаев.

12

Конечно, Саше просто необходимо было привести себя в порядок. На троллейбусной остановке на него оглядывались, какая-то сердобольная старушка заохала и запричитала:

– Кто ж тебя так потрепал, сынок?

– Да вот, мать, кредиторы замучили. Месяц держали в подвале, еле сбежал, – вздохнул Валдаев, поправляя изорванный галстук и отряхивая пятнистую рубашку. Сегодня утром эта новенькая рубашка шуршала под утюгом, радуя глаз белоснежностью. Сейчас на нее нельзя было смотреть без слез.

– Пряма-таки сбежал! – зашлась в восторге бабулька. – Хорошо, что не убили!

– Ага. Вот домой добираюсь.

– Ох, бедняга! Нелегко тебе пришлось. На-ка вот, булочку съешь! Не кормили, поди, кредиторы-то!

– Спасибо, мать!

Откусив сразу три четверти булки с маком, Валдаев легко взлетел на ступеньки подошедшего троллейбуса. «Надо было взять такси, – подумал он. – Час буду трястись на этой колымаге, не меньше».

Разочарование, охватившее Александра, когда он появился в приемной «Пластэка», не поддается описанию. Он принимал душ, менял рубашку, брюки, галстук не только в целях чистоты и гигиены. Он тайно лелеял мысль поразить безумной красотой секретаршу Кармелина, ворвавшись в офис прохладным майским ветерком.

Конечно, Маргарита занимала первый номер в списке девушек, которые в ближайшее время должны были отдать сердце и нежное тело в руки доблестного опера, но пренебрегать роскошной кармелинской секретаршей Валдаев никак не мог. Будучи немного знаком с прекрасным племенем офис-менеджеров и делопроизводителей, Саша по привычному шаблону рисовал в воображении портрет шикарной девицы, целых пять лет помогавшей Никите Кармелину справляться с бумагам и, скрепками и степлером.

И вот он в приемной, и вот перед ним секретарша.

– Вы к Ярославу Геннадьевичу? – поправила на носу элегантные очки Алла, вглядываясь в четкие линии валдаевской физиономии. – Его нет.

– Я из милиции. Насчет Кармелина, – бесцветно отозвался белобрысый красавчик. Кажется, он чем-то был расстроен. – Вы его секретарша? – спросил Валдаев, лелея призрачную надежду, что настоящая хозяйка офиса отлучилась на пару минут в туалет поправить чулки и сейчас вернется, гордо неся бюст и все остальное великолепие.

– Да. Алла Варичева.

– Понятно. А я Александр Валдаев. Значит, будем беседовать, – уныло констатировал Саша и плюхнулся в кресло. – Ничего, что я тут упал?

– Конечно! Можно предложить вам сок, минеральную воду, кофе?

– Минералку, пожалуйста, – кивнул Саша, следя за манипуляциями крокодильчика в синем костюме. По его мнению, Алла так же мало подходила на роль секретарши, как Памела Андерсон на роль в телесериале «Святые монахини». Александр искренне считал, что девушки в приемных сидят исключительно – если не считать сражений с кофеваркой – для услады глаз посетителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.